

Боярская сотня

Александр Проzorov

Земля мертвых

«Автор»

2003

Прозоров А. Д.

Земля мертвых / А. Д. Прозоров — «Автор», 2003 — (Боярская сотня)

Они всего лишь хотели сыграть в ролевую игру. Воссоздать великую битву далекого прошлого. Но – что-то случилось. Прошлое само настигло их и стало реальностью. Вихри времени забросили людей нашего столетия в кровавую эпоху царя Ивана Грозного. В страшные годы опричнины и бесконечных войн с Ливонским орденом. Здесь надо уметь сражаться. Здесь надо учиться выживать...

© Прозоров А. Д., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Задача мастера	5
Кельмимаа	20
Человек государев	28
Колдовское племя	35
Совет мастеров	41
Призыв Великого Духа	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Прозоров

Земля мертвых

Задача мастера

Свой меч Костя Росин вложил в ножны, аккуратно завернул в тряпицу и уложил в длинный боковой карман рюкзака. Боевой топорик – в карман с другой стороны. Ну, а что касается щита – то этот диск метрового диаметра спрятать все равно невозможно. С ярко начищенным медным умбоном,¹ с рисунком черной оскаленной медвежьей пасти на алой мешковине он издавна привлекал с себе внимание всех прохожих, но тут уж ничего не попишешь, придется терпеть. Впрочем, висящий на плече щит при поездке в метро или автобусе был отличным подспорьем – с его помощью Костя и толпу без труда раздвигал и, закрыв им угол салона, легко отгораживался от всеобщей толкотни.

Броню Костя тоже уложил в рюкзак, а вот поножи укрепил на голени и спрятал под брюками – а то вечно в толпе кто-нибудь норовит по ноге стукнуть. Широкий ремень с поясным набором не особенно отличался от ремней всякого рода штангистов-металлистов – впрочем, под курткой его все равно не видно. Два тонких шерстяных одеяла хорошо легли к спине, за ними Росин спрятал островерхий шишак,² собачий малахай,³ поверх уложил длинную красную рубашку, годную на все случаи жизни, шелковые шаровары, чистую рубашку и галстук.

В наружный карман запихнул кресало, зажигалку, упаковку сухого горючего на случай дождя, сверху – аптечку, состоящую в основном из бинтов, жгутов и стрептоцида на случай рубленых ран или открытых переломов; аспирина от простуды и укропной воды от неизбежного похмелья.

– Вроде, все... – Константин осмотрелся. На креслах, диване, столе ничего заготовленного в поход не осталось, ничего не забыл, все уместилось в недра пухлого зеленого «Ермака». А, нет! Телефон...

Росин повесил сотовый телефон на пояс, между кистенем⁴ и охотничьим ножом, сходил на кухню, перекрыл идущий к плите газ, кран стиральной машины, потом выключил пакетник электросчетчика. Кажется, теперь все в порядке. Протечь или замкнуть ничего не может, а дней через пять он вернется – если, конечно, его не подстрелит ливонский арбалетчик или не проткнет длинная татарская стрела.

---

¹ Умбон – срединная железная бляха полусферической или конической формы на щите, защищавшая руку воина от пробивающих щит ударов. Крепится в месте, где находилась рукоять, за которую щит удерживается.

² Шишак – шлем из железа, стали или меди; отличается навершием в виде длинного шпиля (шиша – отсюда название). Часто к шишу прикрепляли еловец (или яловец) – кусок красной ткани или кожи (красной юфти) в виде флюгера. Шишак состоит из венца, тулеи и шиша. К венцу шишака иногда крепили козырек, наушники, наносник, назатыльник, бармицу

³ Малахай – шапка на меху с широкими наушниками и плотно прилегающей задней частью.

⁴ Кистень, холодное ударное оружие, состоящее из закрепленного на цепи, ремне, веревке, ленте или иной гибкой основе груза. Другой конец основы крепится к деревянной рукояти, или заканчивается петлей для надевания на кисть руки (отсюда название). По сей день наиболее популярное на Руси оружие. По типу груза кистени различаются металлические, деревянные, костяные и даже глиняные. Встречаются такие экзотические кистени, как кистень с хрустальным шариком в качестве груза или тяжелый медный крест на цепочке, пробивающий с замаха черепа ничуть не хуже вульгарного цепа. Гирия может быть различного диаметра и снабжаться шипами. Как и плетка, кистень может иметь два или три хвоста, обычно одинаковой длины. Основным преимуществом кистеня является то, что при попытке парирования или отбивания удара он все равно захлестывается за препятствие и почти наверняка наносит травму противнику. От него можно только увернуться – что далеко не всегда удается в плотном строю или тесном помещении. На сегодняшний день в России наиболее популярны такие кистени, как солдатский ремень с залитой свинцом пряжкой или нунчаки.

Константин закинул рюкзак за спину, повесил на плечо щит, крутанул колесики на панели блока сигнализации и вышел на лестничную площадку. До битвы на Неве оставалось немногим больше суток.

Ополченцы собирались на Финляндском вокзале, у паровоза. От группы людей со щитами прочие пассажиры шарахались на добрый десяток метров, и вокруг будущих воинов образовалось изрядное свободное пространство. Хорошо обыватели не знали, что в чехлах для удочек скрываются не бамбуковые удилица, а длинные тяжелые копья и тугие луки – а то ведь и вовсе войти бы на вокзал побоялись.

– Привет, Юра, – поздоровался Росин с высоким, русым широкоплечим парнем, под легкой тренировочной курткой которого поблескивала бронзовая кираса.⁵ – Тебе не жарко в железе ходить?

– Ништо, мастер, – пожав протянутую руку, отмахнулся великан. – В рюкзак, зараза, не лазит.

Вообще-то звание «мастера» Косте не нравилось. Отдавало от этого чем-то немецким, орденом. А то и вовсе японским. Этак приличного человека за «сэнсэя» какого-нибудь принять могут. Но так уж сложилось – не председателем же ему именоваться?

– Сам ковал, ополченец, – усмехнулся Росин, – себя и вини.

– Че, железо крепкое, – пожал плечами Юра. – Инструменталка.

Юра Симоненко работал водителем в седьмом автобусном парке. В парке имелась своя кузня, с местными работягами Симоненко сошелся довольно хорошо, руки у него росли из нужного места – а потому великан никакого вооружения и брони не покупал, все делал сам. И не только для себя, но и чужие заказы выполнял.

А вот Сережа Малохин, учитель истории из триста пятьдесят шестой школы, кроме способности ответить практически на любой вопрос по десятому-двенадцатому векам, не умел ничего, и практически все оружие и обмундирование был вынужден покупать, благо для своих это обычно делалось раза в три дешевле, чем для «чужаков», – мастер поздоровался с худощавым мужчиной в джинсовом костюме. – Зато Малохин отлично фехтовал на копьях и алебардах,⁶ легко укладывая на землю парней, внешне куда более крепких.

Впрочем, символом хрупкости и изящности отряда «Черного Шатуна» была Юленька, девушка неполных двадцати пяти лет с большой сумкой через плечо. У нее в чехле для удочек прятались высокий углепластиковый лук и два десятка стрел с разными наконечниками. Когда-то она смогла пробиться в сборную Союза по стрельбе, но высоких результатов не достигла и в конце концов бросила большой спорт.

– Долго еще нам тут париться мастер? – поинтересовалась Юля, приспустив большие темные очки. – У меня скоро нос облезет.

– Сейчас едем, – Росин бегло оглядел остальных ополченцев. Похоже, собрались все. Три десятка человек, из которых только несколько незнакомых лиц. Как обычно, кто-то прихватил друзей, кто-то жену-детей, кто-то подружку. В глаза бросилась яркая блондинка в коротком ярко-алом платье, но спрашивать, кто она и откуда Костя не стал. – Лекарь здесь?

– Юшкин, что ли? Здесь, – кивнула Юля, – за мороженым побежал. Вон его котомка лежит.

Лепистрада Юшкина, в миру участкового врача, по вполне понятной причине все называли по фамилии. За что родители наградили своего сына таким именем, и каково с ним жить, Росин не знал – лекарь не любил разговоров на эту тему. Железа Юшкин тоже не

---

⁵ Кираса – защитное вооружение из 2 металлических пластин (в древности изготавливалась из войлока и кожи), выгнутых по форме спины и груди и соединенных пряжками на плечах и боках.

⁶ Алебарда – обычно алебарда считается разновидностью копья, на конец которого крепится топор или секира

любил, ограничиваясь в тренировках только рукопашным боем, а в одежде – жутко напоминающим выпцветшую буденовку суконным куколем, обычной косухой,⁷ с которой спорол молнию, застежки в виде кнопок и прочие атрибуты современности, заменив их пуговицами и большой фибулой⁸ на плече. Зато он имел врачебный диплом и хорошие навыки в оказании первой помощи.

– Внимание, слушайте сюда! – у мастера появилось нездоровое желание постучать мечом по щиту, чтобы перекрыть гомон ополченцев, но, увы, оружие было хорошо спрятано. – Берем билеты до четвертой зоны. Кировский поезд, остановка «Станция Кельма». Это первая стоянка сразу за Невой. Электричка отправляется через пятнадцать минут. Всем понятно?! Тогда встречаемся в пятом вагоне.

Уже в поезде ополченцы начали потихоньку облачаться в доспехи. Не по-настоящему, а так, для показухи, поверх обычной одежды – не догола же в общем вагоне раздеваться! Прочие пассажиры, видя как их соседи застегивают кирасы, вешают себе на ремни длинные ножи, затыкают за пояс топоры, проверяют остроту широких обоюдоострых мечей, надевают шеломы и мисюрки,⁹ предпочли потихоньку перебраться в соседние вагоны. Росин тоже извлек из рюкзака свой куяк¹⁰ и надел его через голову прямо поверх рубашки.

Бронь он изготовил сам: попросил ребят из лаборатории Опытного завода нарезать пластин из нержавеющей стали, после чего нашил их на жилетку из тонкого брезента так, чтобы верхние пластины ложились внахлест на нижние. При толщине пластин в полтора миллиметра куяк хорошо держал скользящие удары, мог остановить пущенную издалека стрелу, вынести несильный тычок мечом или копьем. Увы, наплечники оказались коротковаты, и между наручниками и верхними пластинами оставалось сантиметров двадцать незащищенной руки. Зато переливалась нержавейка так, словно доспех был изготовлен не из металла, а из маленьких зеркал.

На платформу дружина Черного Шатуна вышла сверкая шлемами и шишаками, кольчугами и пластинчатыми рубахами. «И бе видите страшно в голых доспехах, яко вода солнцу светло сияюще», как описывала это зрелище Лаврентьевская летопись. Правда, большинство ополченцев металлические доспехи «не тянули», и обходилось обычными стеганками – кожаными или просто суконными куртками, под подкладку которых плотно набивалась вата или волос, после чего одежда многократно прошивалась суровой ниткой или проволокой. В бою такая «тряпичная броня» защищала ненамного хуже металлического, но вот внешний вид у нее – не тот, не тот. Поэтому в парадном строю «суконщиков» прятали внутрь или в задние ряды, чтобы дружина выглядела могучей и устрашающей.

Колонной по три отряд Черного Шатуна спустился по ступенькам на узкую пыльную дорожку, еще носящую следы бывшего асфальта, прошел вдоль высоких металлических оград, защищающих зеленые от морковной ботвы и разлапистых капустных кочаном огорода, свернул к пионерскому лагерю. Точнее, бывшему пионерскому лагерю – а ныне ведомственному, Октябрьской железной дороги.

У богатых свои причуды: территорию лагеря огораживала трехметровая решетка из прутьев сантиметровой толщины, выполненных в виде остроконечных пик. Вдалеке, за футбольным полем и широкой полосой из высоких, вековых лип белели трехэтажные кирпичные корпуса.

⁷ Косуха – куртка из толстой кожи, одна пола которой захлестывает далеко на другую. Между прочим, это один из видов кожаного доспеха по сей день используемый по прямому назначению: защищает тело мотоциклиста от ран при падении на высокой скорости.

⁸ Фибула – металлическая застежка для одежды в виде булавки, заковки со щитком, обычно богато украшенной. Один из самых древних предметов украшения. Использовалась в повседневности аж до 18 века.

⁹ Мисюрка – шлем в виде металлической тубетейки, к которой обычно крепились бармица или наушники, наносник, назатыльник.

¹⁰ Куяк – пластинчатый доспех. Изготавливался путем нашивания прямоугольных или круглых металлических пластин на кожаную или суконную основу. Куяки изготавливались с рукавами и без рукавов, могли иметь полы, как у кафтана.

– Еще, еще идут! – слышался звонкий крик и к прутьям моментально прилипло полсотни мальчишек и девчонок возрастом от восьми до четырнадцати лет. – Дядь, дай меч подержать! Дядь, дядь, а пулеметом ваши латы пробить можно? Дядь, а вы за белых или за красных?

Ратники спокойно двигались дальше, хорошо зная по опыту – начнешь такой мальчишеской ватаге отвечать, только на глупые насмешки нарвешься. Друзья и знакомые, поехавшие вместе с отрядом, шли немного позади, образуя нестройную толпу, «обоз» – как иногда в шутку называли их дружинники. Девушка в алом платье тут же привлекла внимание пацанов и они восторженно загомонили:

– Тетка, тетка, у тебя тусы торчат! Дай за сиску подержаться! Смотри, смотри, какая задница. Да не у тебя! Ишь, обрадовалась... – Это Юля остановилась и неторопливо достала из колчана лук.

– Хочешь, ухо прострелю? – предложила спортсменка сразу всей ватаге и положила стрелу на тетиву. – Только головой не дергай, а то во лбу дырка останется.

Мальчишки моментально прыснули в заросли барбариса. Юля разочарованно цыкнула зубом, но лука не опустила. Временами то из ветвей кустарника, то из-за бетонных столбов ограды высовывалась чья-то голова, но стоило девушке повернуться, как цель тут же исчезала.

Выждав, пока «обоз» уйдет метров на сто, лучница спрятала оружие и пустилась догонять отряд.

Территория лагеря упиралась в широкую полосу отчуждения под линией электропередач, а следом начинались дачные участки. Здесь за дружиной тоже увязались мальчишки, но куда меньшим числом. Глаза у них светились любопытством и искренним восторгом.

– Дяденька, вы рыцарь? – поинтересовалась у Росина голубоглазая девчушка.

– Я русич! – гордо поправил Костя. – Ты меня с басурманами не путай!

– Тогда почему вы весь железный?

– На битву иду, чадо, берега Невы защищать.

– А можно мне с вами?

– Если родители отпустят, приходи, – разрешил Росин. – Нам каждый человек дорог.

Девчонка радостно пискнула и быстро-быстро затопала сандалиями по пыльной тропинке.

Садовые участки заканчивались у Кировского шоссе, а за ним, до самой Невы, раскинулся широкий луг. Его разделяла надвое широкая, заросшая бурьяном канава – то ли оросительная, то ли сточная. На поле выше по течению уже стояло полтора десятка больших белых шатров, еще выше, вдоль низких ивовых зарослей – столько же вигвамов. Вигвамы от шатров отделяла площадка, огороженная низкой, в две жерди, изгородью. Там, хищно кружась друг напротив друга, дрались на топорах двое латников. Грохот от ударов в щиты раскатывался на сотни метров. У изгороди толпились женщины в свитах, поневах и малицах, и ребятя – в джинсах, футболках, в шортах.

На стороне поля ниже по течению начиналась цивилизация: здесь имелись две большие армейские палатки, полевая кухня, автобус, три грязных по крышу жигуленка и один джип, а вдоль самого берега торчало три зеленых щита, сообщающих, что «Лимонад „Тархун“ – единственный напиток из натуральных трав».

– Ну вот, ливонцы уже здесь, – плечистый Юра вышел из строя, скинул на траву вещмешок и недовольно почесал кирасу под левым соском. – Опять лучшее место заняли.

– Зато викингов пока нет, – утешил его Росин. – Устраивайтесь у воды, перед рекламой, а «Глаз Одина» пусть ютится, где хочет.

Сам Костя прямым ходом направился к джипу – изрядно потрепанному «Ланд-Крузеру» с помятым левым крылом:

– Эй, Миша, ты здесь?

– Здесь я, мастер, – слышался голос от одной из палаток.

На свет вышел воин в ерихонке,¹¹ и бахтерце¹² с длинной кольчужной юбкой, с висящими на ремне кривым длинным ятаганом¹³ и шестопером¹⁴ и обутый в красные сафьяновые сапоги.¹⁵ Михаил Немеровский, хозяин небольшой строительной фирмы, не имел возможности регулярно посещать тренировки, зато вполне мог позволить себе заказать совершенно аутентичный доспех, оружие, сапоги, единственный в дружине имел официальное разрешение на ношение всей этой красоты, а кроме того – имел массу знакомых в самых неожиданных местах и организациях. В большинстве случаев именно он находил способы сделать игры и фестивали если не доходными, то по крайней мере не убыточными, получал всякие разрешения и заботился о множестве важных мелочей, без которых фестивалю не выжить.

– Это что за ужас такой, Миш? – указал Росин на рекламные плакаты, перед которыми начали вырастать купола синих, оранжевых и желтых палаток.

– Это «Тархун», мастер, – ничуть не смутился Немеровский. – Помимо этих плакатов мы с них имеем три мешка пшеники, мешок гречи и пять мешков риса, ящик масла и два ящика тушенки для полевой кухни, оплату аренды совхозного луга, гарантии для Кировской администрации и целый грузовик упаковок с бутылками. Они за палаткой мастеров сложены. Надо, кстати, лимонад ливонцам и индейцам раздать: я обещал, что когда туристы приедут или телевизионщики, все будут пить только эту зеленую жидкость. Иначе неустойку платить придется.

– Ладно, раздадим, – согласился Росин. Похоже, зеленые плакаты у воды уже окупили все затраты на фестиваль. Ради этого можно и травяную настойку пососать.

– Военные две палатки дали, – продолжил свой отчет ратник. – В одну я нам пару раскладушек поставил, а вторую вам под штаб отдам. Надо только пластырь медицинский со всех аптек стрясти и буквы наклеить. Еще полевую кухню привезли, на три дня. Потом отдать придется.

– А солдат не дали?

– Нет, не дали, – разочарованно развел руками Немеровский. – Самим, говорят, не хватает. Но я трех бомжей по дороге подобрал. Они за харч и бутылку водки на нос весь фестиваль вкалывать готовы. Сейчас яму роют, за кустами. Обнесем брезентом, будет сортир. А то, если под кусты бегать, тут к утру все вокруг провоняет. Полигон-то маленький... Чего, другого места выбрать не могли?

---

¹¹ Ерихонка – высокий шлем с венцом (нижним краем тульи), навершием (верхним краем тульи) и репьем (металлическим украшением) на нем. К венцу ерихонки прикреплялись уши, затылок и полка, сквозь которую проходил «нос» со «шнурком». Такие шлемы носили богатые и знатные воины, зачастую они отделывали их золотом, серебром, драгоценными камнями.

¹² Бахтерец – лучшее в истории человечества металлическое защитное оружие. Бахтерец набирался из расположенных вертикальными рядами продолговатых пластин, соединенных кольцами с двух коротких боковых сторон. Боковые и плечные разрезы застегивались пряжками или ремнями с металлическим наконечником. Для изготовления бахтерца использовалось до 1500 пластинок, которые монтировались таким образом, чтобы создать двойное или тройное покрытие. К бахтерцу наращивался кольчужный подол, а иногда воров и рукава. Средний вес такого доспеха достигал 10–12 кг, а длина – 66 см. Расположение пластин не позволяло добраться сквозь доспех к телу даже если воин не мог защищаться – лезвие ножа или сабли, просунутого под пластины, оказывалось повернуто параллельно телу. Одновременно бахтерец никак не стеснял подвижности человека, позволяя практически на равных рубиться с легкими степняками и легко истреблять неповоротливых и хуже защищенных западноевропейских рыцарей. Бахтерец использовался на Руси начиная с 16 и вплоть до 18 веков.

¹³ Ятаган – рубяще-колющее оружие, среднее между саблей и мечом, с лезвием на вогнутой стороне клинка. Известен с 16 века в основном как оружие турецких янычар. Но помимо Турции ятаган применялся в армиях стран Ближнего Востока, Балканского полуострова и Южного Закавказья. Некоторые ятаганы имеют двояковыгнутый клинок, обратный у основания и сабельный у острия. Эфес ятагана без гарды, рукоять у головки имеет расширение («уши») для упора кисти руки. Клинок входит в ножны вместе с частью рукояти. Общая длина оружия – до 80 см, длина клинка около 65 см, масса – до 800 г.

¹⁴ Шестопер – русское холодное оружие 15–17 веков, разновидность булавы с головкой из шести металлических пластин – «перьев» (отсюда название). Первые варианты шестопера, появившиеся в середине 14 века, имели общую длину около 60 см, треугольное сечение ребер, весили 1,8–2,7 кг. Позднее шестопер стал примерно вдвое легче. Шестопер имел рукоять, отделенную кольцом или гардой, иногда на нем ставился крюк для захвата вражеского оружия. Наибольшее распространение получил в 15–17 веках на Руси.

¹⁵ Сафьяновые сапоги – сапоги из тонкой мягкой козьей или овечьей кожи

– Это телевизионщики, – вздохнул Костя. – Хотят заснять высадку шведов на берега Невы, а потом разгром их князем Александром Невским. Дата какая-то круглая у епархии, юбилей. Вот и стараются.

– А почему именно здесь? Он ведь верст десять ниже по течению католиков рубал?

– Единственное свободное место на реке осталось, – усмехнулся мастер. – Все остальное или застроить успели, или запакоstitь. Не похоже на дикие чухонские леса.

– Не похоже, – согласился ратник. – Кстати, а кто шведа играть будет?

– Завтра с Новгорода два ботика обещали подойти, ушкуйники. И еще с Питера, с яхт-клуба пара лодок должна подняться. Есть у них там что-то историческое. Я так думаю, новгородцам шведов изображать придется. В крайнем случае, дадим им кого-то из своих для толпы. Ливонцы дружину Александра Невского играть станут. Мы, как я и предупреждал, изображаем вепское ополчение. То есть, кто в доспехах – суздальскую дружину, а кто в стеганках – ополчение. А индейцы: это местное население. Чухонцы. Как они на самом деле выглядели, никто не знает – может, именно такими и были. Когда все соберутся, проведем совет мастеров, и распределим людей окончательно. Телевидение только после полудня появится, успеем.

– Нет, так нечестно, – замотал головой Михаил. – Как это: ливонцы княжескую дружину изображают?! За князя мы должны биться!

– Не получится, – покачал головой мастер. – У ливонцев и оружие однообразней, и доспехов больше, да и дисциплины тоже. Суздальцы победнее, у них можно и пересортицу стерпеть.

– А доспех? У них доспехи на рыцарский манер! Любой поймет, что лажу гоним!

– Если говорить о доспехах, – улыбнулся Росин. – То тебе вообще нужно в тылу сидеть и не высовываться. Твой бахтерец только в семнадцатом веке появился.

– В шестнадцатом!

– Да хоть в пятнадцатом! Битва на Неве произошла в тысяча двести сороковом году. Никаких бахтерцов тогда и в помине не было.

– Куяков тоже, – попытался парировать Немеровский, но мастер в ответ только рассмеялся:

– Так я в дружину Александра Невского и не рвусь. Так что, Миша, или соглашайся на суздальца, или я тебя вообще к шведам причислю.

– А давай иначе, Костя, – хитро прищурился ратник. – Ливонцев посадим на корабли как шведов, ушкуйники будут суздальцами, мы – дружиной Новгородской, индейцы ополчением, а хиппи – чухонцами?

– Где ты столько хиппи наберешь, Миша?

– Да их тут уже больше десятка бродит!

Хиппи являли собой прямое доказательство самозарождения жизни на Земле. Если в Средние века ученые считали, что черви самозарождаются в тухнувшем мясе, а мыши – в оставленных надолго мусорных кучах, то хиппи неизбежно возникали на каждой игре или фестивале возле полевой кухни, у палаточных лагерей, у костров. Причем их никто не привозил – они явно самозарождались прямо на месте, обвешанные амулетиками, бусами и прочими побрякушками, замотанные в платки, с длинными грязными волосами и неизменными «косяками» в зубах.

Иногда хиппи удавалось пристроить к делу – изображать ленивое местное население или непонятных призраков и духов, иногда они просто путались под ногами, тихие, вялые, беззлобные и безразличные. Что интересно, панки или металлисты на полигонах не появлялись практически никогда – хотя им, вроде бы, сам бог велел доспехами побренчать. Разумеется, помянуть на заднем фоне во время разворачивания основных событий хиппи могли, но...

– Индейцы воевать не станут, – покачал головой Росин. – Не первый раз встречаемся.

Индейское племя, стоящее на дальней опушке, можно было считать самым настоящим: несколько лет назад они побратались с индейцами варроу, живущими то ли в Венесуэле, то

ли в Суринаме, и вроде бы даже взяли себе в жены представительниц этого народа, отправив своих девушек взамен. Временами племя варроу (местный клан) кочевало, перемещаясь по просторам Карелии и Архангельской области, иногда разбредалось по городским домам. А может, между «оседлыми» и «кочевыми» индейцами шла постоянная ротация – Росин не знал. Время от времени индейцы появлялись на игровых полигонах, ставили свои вигвамы и невозмутимо жили, придавая своим существованием неповторимый натурализм происходящим вокруг событиям. Время от времени «ролевики» пытались втравить их в свои игры, но старейшины с достоинством отвечали:

– Индейцы в войну не играют. Если индеец хочет воевать, он едет на войну, – и небрежно потряхивали привязанными к поясам скальпами.

В чем истинный смысл их слов, Костя Росин понял только тогда, когда в выпуске новостей заметил неподалеку от одной из горных застав обычный неброский кунг,¹⁶ рядом со входом в который стоял знакомый родовой шест. Став приглядываться более внимательно, он как-то разглядел за выступающим перед журналистами генералом Казанцевым паренька, к автомату которого, к прикладу, изолентой было примотано два птичьих пера. Похоже, индейцы и вправду время от времени ездили «на войну».

Разумеется, в патриотических клубах многие прошли через войну: кто-то помнил Афганистан, многие вынесли мясорубку Чечни, кое-кто даже ездил добровольцем в Приднестровье, а то и в Сербию, но... Одно дело воевать по приказу, за идею, даже за деньги, и совсем другое – поехать на нее за скальпом. Поехать на войну в отпуск, отдохнуть и развлечься, украшение себе на пояс получить. Такие вот игрушки...

У Немеровского в кармане запищал телефон. Тот выдернул трубку, прислонил к уху, привычно уходя в сторону от недавнего собеседника.

– Что? Ага, понял...

Михаил отключил «трубу», несколько раз рассеянным жестом попытался убрать ее в нагрудный карман бахтерца, потом спохватился и повесил в чехол на ремне. Кивнул Росину:

– Чего смеешься?

– Ты бы видел себя со стороны, Миша. Русский латник в доспехах и с «сотовым» в руке. Копья в другую руку не хватало...

– Ладно, – отмахнулся Немеровский. – Не в горн же мне дудеть. А звонили по делу: предупредили, что туристы едут, англичане. Надо наших поднимать, потасовку небольшую устроить. А ливонцы в полете, заезд на поляну с этой стороны проходит. Пусть индианок соблазняют. О, черт! Лимонад раздать забыл!

Миша побежал к ближайшей группе ополченцев и принялся что-то торопливо объяснять, размахивая шестопером. Росин вспомнил, что эта палица когда-то считалась символом власти и усмехнулся. Непорядок: он, председатель клуба, с мечом да топориком ходит, а простой ратник – с шестопером. Надо его хоть десятником сделать!

По Неве, старательно пыхтя, маленький черный буксир заталкивал вверх по течению покрашенную в рыжий цвет баржу. Мастер посмотрел на нее, на навигационные буи и маячки, на кирпичные дачи на том берегу и на островке у противоположного берега, и подумал о том, что рекламные щиты «Тархуна» на фоне всего этого безобразия выглядят не столь уж и нелепо.

Белые интуристовские «Мерседесы», величественно покачиваясь на короткой грунтовке, скатились с шоссе и остановились в тени тополей. С мягким чмоканьем раскрылись двери. Лощеные толстячки в белых кепочках и однообразных льняных костюмах выкатились на зеленую траву и тут же принялись щелкать фотоаппаратами и жужжать видеокамерами.

---

¹⁶ Кунг – закрытый автомобильный кузов с окнами и дверьми. Используется для установки оборудования, или под жилье.

– Нет, не англичане, – разочарованно покачал головой Росин. – Те все тощие, что моя смерть. А енти, как поросята перекормленные. Наверняка янки.

Американцы выползли только из двух автобусов, а вот третий, похоже, привез японцев. Пока гости из-за бугра разбредались по поляне, между ярких разноцветных палаток дружинники во всю рубились между собой. Рубились на мечях – что куда эффективнее и, главное, безопаснее. Вот, ливонцы боевыми топориками уже два щита расколотить успели, и одну руку раскровавить. А меч что? Только край щита слегка измочалит, и все.

Хотя общение с туристами и не входит в круг интересов клуба, но и гонять их от себя дружинники «Черного Шатуна» не собирались. Ведь далеко не все работали программистами как сам Росин, водителями, как Юра Симоненко или удачно занимались бизнесом, как Миша Немеровский. Кое-кому приходилось перебиваться случайными заработками – и вот для них возможность выступить на глазах клиента фибулу и тут же отдать ее за двадцать «баксов» значила довольно много. Забредшему на фестиваль туристу с удовольствием продавали за триста долларов покрытый свежими зарубками, только что вышедший из боя щит (новый можно сделать за триста рублей), меч-муляж за пятьсот долларов, шлем или доспехи, успевшие надоесть владельцу и вовсе за астрономические суммы.

Правда, сам Росин в этом празднике надувательства принять участие не мог. Полчаса назад на поляну выехал милицейский «УАЗик» кировского «РУВД», из которого вышло трое милиционеров, мгновенно ошалевших от невероятного количества холодного оружия, не просто хранимого рядом с шоссе, но и активно мелькающего в воздухе.

К счастью, Костя успел заметить их еще до того, как доблестные сотрудники министерства внутренних дел начали запихивать участников фестиваля в машину и увел к себе в палатку. Немеровский показал им бумаги с подписями местных начальников, после чего завел обычный в таких случаях разговор о том, кто и где служил. Как оказалось, все трое патрульных уже успели скататься в командировку в Чечню. Миша сказал, что был там под Аргуном, они попытались вспомнить общих знакомых и обстановка немного разрядилась.

– Так, может, за встречу, мужики? – предложил Немеровский, доставая бутылку «Синопской».

– Нет, на службе не можем, – закачали головами патрульные, но Росин знал, что рано или поздно они согласятся. А где-нибудь через час-другой сами попытаются выйти на круг с топором в одной руке и щитом в другой. Главное, чтобы дружинники не успели к этому времени поднабраться и не помяли представителей правопорядка слишком сильно. На мелкие тычки менты не обижаться не станут – не та порода людей. Мастер посмотрел на часы и тихо выскользнул на улицу.

Туристы уже тянулись к автобусам, но не все. Кое-кого, похоже, соблазнили посмотреть продолжение поединков и угоститься русской кашей – со стороны полевой кухни доносились аппетитные запахи старой доброй тушенки. Опять сожрут все консервы за два дня, а потом одно пшено да вода останутся! Или один «тархун» – со всех сторон люди с удовольствием прихлебывали именно этот напиток. Можно подумать, водка вся кончилась...

Из палатки вышел милиционер, открыл дверцу «УАЗика», взялся за микрофон:

– Центральная, это седьмой. Нахожусь в месте проведения массового мероприятия возле поселка Кельма. Обстановка спокойная. Остаюсь здесь для обеспечения правопорядка. Как поняли?

– Все поняла, – прохрипела рация, – находитесь рядом с поселком Кельма.

Патрульный закрыл дверцу, направился в сторону палатки, но перед Росиным остановился:

– Скажите, а правда, что из пистолета ваши доспехи пробить нельзя?

– Смотря из какого, – пожал плечами Костя. – Если из «Стечкина», то метров с пяти или десяти пробьет. А если из «Макарова», то вряд ли.

– Не может быть!

– Ну, тут еще от пули, конечно, зависит, – усмехнулся мастер. – Но если все стандартное, то в доспешного ратника палить бесполезно. Только в голову. И то, когда воин без шлема.

– Это что, он прочнее бронежилета, что ли?

– Тут вопрос другой, – покачал головой Росин. – Тут все от мастера зависит. Кто-то так выкует, что доспех и стрелу выдержит, и болт арбалетный, а кто-то из мягкого железа свяжет – так такую броньку и ножом можно проткнуть. Это тебе не бронежилеты, которые робот на станке согласно ГОСТу шлепает. У робота ведь ни лени, ни совести. Он не для человека, он по программе работает.

– Ну, положим, пулю от «Макарова» жилет останавливает, – выступил на защиту своих спецсредств патрульный.

– Да неужели? – не удержался от подколки Костя.

– Запросто.

– Ну сними, поставь его на капот, – предложил мастер. – Проверим.

– Как?

– Сейчас, я Юлю позову.

Бывшая спортсменка уже переделалась в длинный полотняный сарафан, отделанный внизу сине-красной вышивкой. Правда голова у нее, вопреки обычаю, оставалась непокрытой, а талию стягивал широкий ремень с обычными для участников фестиваля ножом и кожаным мешочком. На перевязи через плечо висел колчан.

– Юля, в жилет попадешь? – подошел к ней Росин и указал в сторону «УАЗика», на капоте которого стояла современная броня.

Девушка натянула на правую руку толстую перчатку из лосиной кожи, подняла лук, достала из колчана стрелу.

– Тут ведь всего полсотни метров, мастер, – кротко предупредила она.

Лук у спортсменки был отнюдь не кленовый или ясеневый, о которых так любят повествовать в мифах и сагах, а охотничий, из весьма недешевого углепластика. Юля с ним на равных с ливонцами тягалась – а поклонники рыцарского ордена пользовались не только самодельными арбалетами, но и самыми обычными, из магазина, тоже углепластиковыми. Причем и наконечник на стреле был совсем не свинцовый, а из хорошо закаленной стали.

– Ну что, попробуем? – окликнул милиционера Костя.

– Давай!

Тетива тренькнула. Бронежилет чуть дернулся, немного подумал и упал. Постовой подхватил его, поднял перед собой:

– От, блин... Ну, сержант мне завтра навставляет...

– Скажешь, бандитская пуля.

– Ага, навлет прошла. А я пригнулся. Жвачка есть? Хоть залепить ее, что-ли.

– Сейчас, найдем.

В клубе Черного Шатуна жвачных животных не изображал никто, но на фестивале всегда хватало посторонних, и пластинку-другую этой отравы Росин надеялся найти без особого труда.

На берегу, у самой воды дружинники развели небольшой костер. Костя увидел там девушку в алом платье, о которой так и не успел ничего узнать, направился к огню, но со стороны выезда на шоссе опять послышался гул автомобильного двигателя – на поляну выезжал коротконосый темно-синий «Додж». Росин вздохнул и направился навстречу.

– Привет, – из-за руля выпрыгнул детина ростом с Юру Симоненко, коротко стриженный, с медленнодвигающейся квадратной нижней челюстью. Коричневый в крупную клетку пиджак только чудом не расползался на нем по швам, а маленький узелок галстука врезался в короткую шею. – Чего это вы тут делаете?

– Фестиваль военного искусства двенадцатого века в честь семисотлетия канонизации святого князя Александра, – выпалил Росин, желая увидеть, как переварит детина всю эту информацию.

– Оп-па! – удивился парень. – Это который Невский, что ли? А почему я не знаю?

– А кто вы такой? – в свою очередь поинтересовался Костя. То, что громила опознал в святом князе Александра Невского несколько подняло его интеллектуальный рейтинг в глазах мастера.

– Из мэрии я, из комитета по благоустройству, – гость полез во внутренний карман пиджака, достал визитку и протянул Росину. – Приехал домой, на дачу, а тут прямо под окнами прямо битва идет. Вон мой дом, отсюда видно.

Он указал в сторону здания из красного кирпича, выглядывающего над кронами деревьев метрах в трехстах за вигвамами.

– В самой Келыме живу. Здесь родился, здесь и останусь, никуда не поеду.

– А разве Келыма не там? – махнул Костя рукой в сторону шоссе.

– Нет, там только станция. А сама деревня здесь. – Детина еще немного подвигал челюстью и добавил: – Деревня наша, говорят в летописях еще в пятнадцатом веке упомянута. Кельмимаа, Земля Мертвых. Странное название для селения, правда?

– Ну почему странное? Сожгли ее, может, когда-то, никого в живых не оставили. Или мор какой прошел, и стала деревня мертвой. Люди потом вернулись, а название осталось. Да, кстати, а жвачки у вас нет?

– Вроде, «Дирол» тут оставался, – он захлопал себя по карманам. – Вот, нашел. Прямо полпачки осталось.

– Спасибо, – Костя заграбастал жвачку в левую руку, а правую протянул гостю. – Извините, забыл представиться: Костя Росин, председатель исторического клуба «Черный Шатун». А заодно и верховный мастер на этом фестивале.

– Никита Хомяк, – пожал руку детина и вздохнул: – Хорошее было имя. Жаль, эта мымра из Австралии испоганила.

– Пошли, – Росин позвал гостя за собой в палатку.

– Знакомьтесь, это Никита Хомяк из питерской мэрии. – Мастер перекинул пачку «Дирола» пострадавшему милиционеру и указал Никите на сверкающего начищенными пластинами ратника: – А это Миша Немеровский, мой десятник.

– Вот это здорово! – бахтерец привел Хомяка в восторг. – Давайте я хоть телевидение приглашу? Такое зрелище пропадает!

– Завтра после полудня приедут, – кивнул Росин. – Высадку шведов снимать.

– Может, еду организовать?

– У моего джипа полевая кухня стоит, – тукнул пальцем на стену палатки Миша.

– Ночлег могу устроить...

– Ты чего, издеваешься, Никита? – не выдержал Немеровский. – Мы же военным лагерем стоим! У нас не просто все есть, нас еще и не выкуришь отсюда без долгой драки. Вон, Лехе уже бронезилет прострелили.

– Ну давайте, хоть чего-нибудь сделаю? Не могу же я так просто сесть и уехать! Прямо вижу, делом нужным занимаетесь. Как представитель мэрии хочу поддержать.

– В ополчение записывайся, – предложил Миша. – Мы тут завтра шведов бить собираемся. Тебе бы кирасу поверх ватника, да алебарду в руки – и татары не пройдут!

– А у вас алебарды есть? – мгновенно загорелся Хомяк.

– У меня в машине палица лежит, – задумчиво вспомнил Немеровский. Не по руке оказалась. Могу дать. Да и продать могу, не по руке она. Щитов, правда, лишних нет. Слушай, а может, у тебя дома топорик есть? Топорище здесь вытешем. И переодеть тебя надо попроще, а то шведы не поймут... Ну что, мастер, берем ополченца?

– Почему не взять? – пожал плечами Росин. – Ополченцы нам нужны.
– Слушай, Никита, а магазин у вас в деревне есть? – вспомнил Немеровский.
– Есть, конечно.
– Не подбросишь? А то я уже принял... Я тут пол ящика водки ливонцам проспорил. Отдать отдал, а самим теперь не хватает. И соль еще купить надо, совсем про нее забыл.
– Ты чего, дрался утром? – не понял Росин.
– А чего делать оставалось, мастер? – развел руками Миша. – Вас нет, я один, они приехали. Ну, и вызвал магистра на поединок.
– Сколько хоть продержался, вояка? – вздохнул Росин.
– Минут пять, не меньше.
– Ладно, завтра сочтемся, – махнул рукой мастер. – Авось, получится их на шлюпки посадить.

Костя Немеровскому не поверил ни на йоту. Что бы рубиться в полном доспехе целых пять минут и не свалиться от усталости, нужно быть Карлом Великим,¹⁷ а не прогуливающим тренировки бизнесменом.

– Так что, поехали? – Никите Хомяку не терпелось переодеться и получить в руки настоящее оружие. Наверняка вечером вылезет на круг драться!

– Поехали, мастер, – предложил Немеровский. – Может, и ты чего нужное в магазине увидишь.

Деревенька Келыма целиком и полностью располагалась на верхушке небольшого продолговатого холма, одной стороной упирающимся в Неву, а другой – в кировское шоссе. По другую сторону шоссе продолжения поселка не имелось – нам начиналась низина, поблескивающая водой сквозь низкую траву. Получалось, за пятьсот лет селению так и не удалось вырасти из размера одной стометровой улицы, упирающейся в большой треугольный навигационный щит. По сторонам от узкой шоссе-дорожки стояло семь домов: два высоких, из красного кирпича, три обычных, но тоже кирпичных, один из сверкающих белизной цилиндрованных бревен, и один старый, темный, чуть покосившийся и изрядно заросший мхом. Рядом со своими соседями он казался неухоженной собачьей будкой с игрушечной телевизионной антенной на крыше и подсвеченными лампой от фонарика пыльными декоративными окнами.

– Видели? – притормаживая рядом с небольшим торговым павильоном, Хомяк кивнул в сторону развалюхи. – Мужик миллионер, между прочим. Я его хорошо знаю, строительством занимается. Спрашиваю, не стыдно ли жить в таком убожестве, а он говорит – что вот-вот новый дом отстроит. Просто сейчас, в данный момент, некогда. И так уже четыре года.

– Это бывает, – согласился Немеровский, выходя из машины и направляясь к павильону. – У меня соседка такая же.

Миша дождался, пока Никита Хомяк и Костя Росин выберутся на улицу и толкнул дверь.

При виде ратника в островерхом теле, в бахтерце с золочеными пластинами и мечом на поясе, дородная девица лет двадцати в синем халате застыла, словно оглянувшаяся на Содом жена Лота. Глаза ее широко распахнулись, а челюсть начала медленно опускаться вниз.

– «Синопскую» будем брать, мастер? – оглянулся Немеровский. – Или «Пшеничную»?

– Соль, главное, не забудь, – безразлично пожал плечами Росин. – Соль у вас есть, девушка?

Продавщица медленно покачала головой из стороны в сторону.

– Да вон же, на полке стоит, Рая! – возмутился Никита. – Рая, ты чего?

– И водка на полке есть, – на всякий случай предупредил Немеровский. – Я видел.

---

¹⁷ Карл Великий (742–814), франкский король из династии Каролингов, получил свое прозвище именно потому, что мог часами рубиться в полном воинском доспехе без отдыха.

- А... А вы кто? – ухитрилась спросить девушка не закрывая рта.
- Рая, ты чего, меня не узнаешь? – удивился Хомяк. – Это я, Никита, из пятого дома.
- Никита...
- Мы из Ленфильма, – произнес Росин волшебную фразу. – Мы тут кино снимаем.
- Ах кино... – мир, перевернувшийся в сознании продавщицы, начал медленно возвращаться в нормальное положение. – Понятно, кино...
- Она наконец-то закрыла рот и оглянулась на полки.
- А соль у меня есть, мелкая, крупная и йодированная.
- Йодированной, – решил Немеровский. – Наверное, давайте сразу ящик. И водки «Синопской» ящик.
- На меня запиши, Рая, – подал голос Хомяк. – Как обычно.
- Тогда два ящика, – обрадовался Миша. – А я за второй заплачу.
- Оба запиши, Рая.
- Тогда я...
- Стоп! – оборвал их состязание мастер. – Двух ящиков хватит за глаза и за уши. Нам еще шведов завтра бить, не забывайте. Два ящика водки и ящик соли. Все.
- «Додж» Хомяка был перегороден на два отсека, и если спереди помимо водительского и пассажирского сидения имелся самый настоящий раскладной полутораспальный диван, то сзади – обширный грузовой отсек. Три ящика просто потерялись в его утробе – Никита деловито захлопнул дверь и указал на дом напротив павильона:
- Это мой.
- Внутри двухэтажный кирпичный особняк выглядел отнюдь не так роскошно: голые оштукатуренные стены, груды досок, сложенные на полу обширного холла, лестница без перил и циркулярная пила под ней.
- Сам, что ли строишь? – понятно огляделся Немеровский.
- Нет, кладку я заказывал, – покачал головой детина, отпуская узел галстука. – Ну, а уж пол настелить или перила поставить и сам смогу. Что я, прямо безрукий что ли?
- Это отлично, – поднял палец Миша. – Значит, у тебя наверняка есть рабочая роба. Брезентовые штаны, там, и ватник. И сапоги кирзовые.
- Кирзачи есть, – признал Хомяк, – я в них за брусникой хожу. А спецовка прямо грязная, олифой я ее замарал.
- Будем считать, что смолой сосновой, – тут же подкорректировал «легенду» Немеровский. – Ремень широкий кожаный имеется? Топор за него заткнешь, нож на пояс повесишь, и получится обычный вепский ополченец. Или ты думаешь, они во фраках ходили? Считаю себя вышедшим на войну лесорубом. А это что?
- Миша указал на небольшую металлическую гирьку, подвешенную на тонкий тросик.
- Отвес, – поднял его с пола Хомяк. – Трос от спидометра, «квадрат» стерся. Ну, я его и приспособил.
- Ты не прав, Никита, – погрозил пальцем Немеровский. – Это классический кистень. Любимое вепское оружие. Есть все-таки в тебе нечто такое... Генетически заложенное... А косоворотки у тебя нет?
- Сорочка от Версачи, – рассмеялся Хомяк.
- Не пойдет. Проще нужно быть. Фланелевая рубашка, полотняные портки. Ватник прихвати, если есть. Не броня, конечно, но и не так больно будет, если удар пропустишь.
- Ладно, сейчас, – Никита вышел в низкую дверь, ведущую то ли в гараж, то ли в подвал. Минут через десять он вернулся в потертых кирзовых сапогах. В высокие черные голенища были заправлены штанины выпцветших хлопчатобумажных армейских штанов, украшенных пятнами черной краски. Поверх он накинул короткую потертую дубленку, перепоасанную тол-

стым кожаным армейским же ремнем, за который был заткнут обычный плотницкий топор. Хомяк подобрал отвес, свернул его кольцами и тоже всунул за ремень: – Ну как?

– Вылитый вепс! – пьяно махнул рукой Немеровский. – Настоящий ополченец.

– С тулупом ты хорошо придумал, – кивнул Росин. – Только упаришься в нем быстро. А так – в глаза ничего особенно не бросается. В общей сече никто и внимания не обратит. Правда, топор тяжеловат.

– А чего в нем тяжелого? – детина выдернул инструмент из-за пояса, подкинул в руке. – Обычный топор.

В его руке килограммовая железка и вправду казалась невесомой.

– Нормально, – отмахнулся Миша. – Просто топориче надо длиннее сделать. Ну, да я тебе булаву дам. Поехали.

В машине Хомяк дубленку все-таки снял, оставшись в мягкой фланелевой рубашке, завел двигатель и через минуту доставил новых знакомых обратно на поляну.

Здесь появилось пять новых палаток – приехал клуб «Глаз Одина». За время отсутствия начальства они успели не только поставить лагерь, но и устроить драку с ливонцами. Сеча шла, скорее всего, из-за женщин в длинных рубахах и замшевых костюмах с множеством кисточек, столпившихся неподалеку. Викинги явно одолевали: все они, обнажившись до пояса, изображали берсерков, и ливонцы, даром что все изрядно выпили, наносить им удары железным оружием побаивались. Зато викинги старались вовсю – только искры от рыцарских доспехов летели.

Впрочем, победа победой, а все тетки минут через десять опять переберутся в лагерь «Ливонского креста». У них там вечно происходят какие-то события в стиле Айвенго и рыцарей Круглого стола: дуэли, турниры, прекрасные дамы. Умели все-таки европейцы бабам головы охмурять! Как павлины: ни летать толком, ни драться не умеют, зато хвост – на три метра в диаметре.

Милицейский наряд, рассевшись на заготовленных для кухни чурбаках, с интересом наблюдал за побоищем, даже не пытаясь вмешаться. Похоже, они собирались дождаться конца схватки, чтобы собрать трупы и арестовать победителей.

От утонувшего в сумерках индейского стойбища донеслись звуки гитары. Зазвенели струны и у костра ополченцев, бросающего на дрожащую поверхность Невы красные отблески.

– Пошли, мужики, отметим знакомство, – оттащив ящик с солью к полевой кухне, Немеровский вернулся с упаковкой тархуна. – Водку из багажника прихватите.

В палатке на столе стоял большой казан с еще горячей пшенной кашей – догадался кто-то мастеру несколько порций принести. Тарелок, по крестьянскому обычаю, никому не полагалось – только ложки. А вот низкие пластмассовые стаканчики правила фестиваля разрешали – как предмета, без которого существование цивилизации невозможно.

– Ну, мужики, – предложил Немеровский, разлив по стаканам первую бутылку, – за Великую Русь.

Выпив, мужчины взялись за ложки и навалились на кашу, временами вспоминая армейское прошлое:

– Представляете, полгода каждый день: каша, каша, каша. Мы все мечтали: хоть бы картошечки дали! Потом подходит осень, дают картофельное пюре, – улыбнулся один из патрульных. – Все орут: ура! Потом на следующий день картошка, и на следующий, и на следующий. Через два месяца все начинают скулить: хоть бы кашу дали!

– А нас на Ангаре одной капустой кормили, – с придыханием сообщил Миша. – Я ее до сих пор видеть не могу!

– Нас из Ахтубинска несколько раз на уборку арбузов возили, – не удержался от своей истории Костя Росин. – Местные сказали: ешьте, сколько сможете. Мы так обожрались, что ходить не могли!

– Счастливики, – откликнулся Никита Хомяк. – А у нас под Мурманском кроме мха ничего не росло.

– Мужики, – Немеровский откупорил следующую бутылку. – Думаю, нам нужно выпить за бескрайние просторы нашей земли, что лежат от полюса почти до Индийского океана, от Тихого океана и до Атлантического.

– Это ты загнул, Миша – рассмеялся один из милиционеров. – Откуда Атлантический океан взялся?

– Может, чуть меньше, – не стал спорить ратник. – Но не на много.

– Ладно, – согласился патрульный, – за нашу землю!

К тому времени, когда ложки застучали по дну казана, мужчины успели приговорить четыре бутылки, а разговоры ушли в чистую науку: считать Черное море частью Атлантического океана, или нет?

Внезапно все звуки перекрыл чистый и ясный женский голос:

Матушка родимая, дай воды напиться,
Сердце мое, ох бросает в жар.
Долго гуляла в темном я саду,
Думала на улицу век не поду!
Теперь же под вечер аж пятки горят!
Ноженьки стройные в пляску хотят!
Я пойду на улицу, к девкам я пойду,
Голосом звонким я им подпою!

Вот уж что-что, а голос был действительно звонкий. От таких лопаются хрустальные бокалы и рассыпаются люстры. Росин поднялся из-за стола, оставив остальных спорить о географических терминах, вышел на воздух.

На Неве зажглись бакены, бросая во мрак алые огоньки, на том берегу и на острове четко пропечатывались прямоугольники освещенных окон. Несколько горящих на поляне костров не могли справиться с ночной мглой, и лишь придавали окружающему миру ощущение обжитости.

Песня растекалась от костра на берегу, и мастер спустился к своим дружинникам.

Выйду на улицу – солнца нэма,
Парни молодые свели меня с ума!
Выйду на улицу, гляну на село,
Девки гуляют и мне весело!

Пела, оказывается, та самая девушка в коротком алом платье, еще днем обратившая на себя внимание мастера. Пела легко, без напряжения, сидя на чьей-то стеганке и прикрыв ноги выделенной кем-то курткой.

– Знакомьтесь, мастер, – прижав ладонью струны гитары, откликнулся Росина Игорь Картышов, бывший танкист, прошедший Афганистан и Чечню, горевший и на чужбине и на родине, но тем не менее при первом же сокращении отправленный в запас. Лицо его после ожогов выглядело устрашающе, но характер оставался спокойным до флегматичности. – Племянница моя, Инга. Учится в Москве, в Гнесина, приехала отдохнуть. Хотела познакомиться с принцем, вот я ее с собой и взял.

Вокруг костра засмеялись.

– А вы что, принц? – встrepенулась Инга.

– Предположим, я князь, – сел на траву Костя. – Устраивает?

– Нет, Игорь обещал, что настоящий принц будет, без обмана.

– Ну, не знаю, – покачал головой Росин. – У славян только князья были, у ливонцев демократия, у викингов ярлы. Даже не знаю, что и предложить.

– Так шведы завтра приедут! – вспомнил один из дружинников. – У них конунг, то есть король. А где король, там и маленькие принцы плодятся.

– Это мысль, – кивнул Костя. – Вот только порубим мы их всех в капусту.

– Зачем? – удивилась певица.

– Чтобы не приезжали. Земля-то наша!

– Вас послушать, так всех туристов на столбах нужно вешать, – поморщилась Инга. – Чтобы в чужие страны не ездили.

Вокруг костра снова взорвался смех.

– Так что, Инга, – предложил Росин, – если всех принцев порубаем, на князя согласишься? У меня княжны нет...

– Много вас таких, умных, – хмыкнула девушка и отвернулась к дядюшке: – Ты «Лето» помнишь?

Игорь кивнул и ударил по струнам:

Холодные тучи по небу плывут,
На крыльях печали разлуку несут
Еще одно лето простилось со мной,
Взмахнув на прощанье косынкой цветной
Зачем это лето в снегах я ждала,
Зачем это лето рябиной цвела...

Хотя темп песни был весьма бодрым и веселым, Росин почувствовал, как у него слипаются глаза. Сегодняшний день получился долгим и трудным, выпитая пополам с «тархуном» водка оказалась последним штрихом, уже неподъемной для организма тяжестью.

– Как хочешь, – с деланной обидой поднялся на ноги мастер, ушел в свою палатку и, не обращая внимания на продолжающийся за столом спор, рухнул на незастеленную раскладушку.

Кельмимаа

Шея болела так, словно ему свернули голову, и в первый миг Леша подумал, что он умер, и его бездыханное тело лежит на сырой земле. Правда, уже в следующее мгновение он осознал полную несуразность этой мысли: если он умер, то кто ее думает? Именно поэтому младший сержант Алексей Рубкин, сотрудник кировского РУВД, оперся руками о влажную от росы траву, оторвал голову от корня и осторожно выпрямился. Вывернутую из-за неудобной опоры голову удалось благополучно вернуть в обычное положение, милиционер попытался оглядеться, и сознание захлестнуло новым испугом: ослеп! Все вокруг словно задернула матово-белая пелена, сквозь которую не удавалось разглядеть ничего дальше трех-четырех метров. Младший сержант далеко не сразу осознал, что туман вокруг самый настоящий, природный, сочный и густой; свидетельствующей о наступлении теплого солнечного дня. За прошедшие секунды Рубкин раз пять успел дать себе слово насухо завязать с выпивкой, если с глазами все обойдется и на этот раз. Такое обещание он давал себе довольно часто – но выполнить его все как-то не удавалось.

На земле всхрипнули – это Никита Хомяк наслаждался объятиями Морфея, подложив под голову туго свернутый тулуп, и накрывшись куском потертого брезента. При взгляде на собутыльника немедленно прорезалась острая головная боль, и Леша стал пробираться к реке, чтобы засунуть башку в прохладные воды.

Сориентироваться в тумане оказалось не так-то просто. Вскоре патрульный обнаружил, что идет вдоль берега – сперва он наткнулся на загородку рыцарского поля для поединков, а чуть дальше – на спящего на надувном матрасе под шерстяным пледом ливонца. Рядом с ландскнехтом лежали короткий широкий меч и бутылка «Тархуна». Милиционер подобрал и то, и другое, откупорил бутылку и выпил ее в несколько глотков. На душе стало немного легче – Леша воткнул меч в землю рядом с головой безмятежно спящего воина и двинулся дальше, приняв значительно левее.

Однако вскоре со стороны стоящего на взгорке поселка ему померещились странные звуки: какие-то стуки, испуганные и торжествующие выкрики, трудно различимые из-за расстояния. И вряд ли в пять часов утра это были звуки от строительных работ. После короткого колебания Рыбкин быстрым шагом направился на звук. Но когда он миновал индейские вигвамы и стал продираться сквозь неожиданно густые заросли кустарника, впереди раздался самый настоящий жалобный бабий вой – и патрульный рванулся вперед. Несколько десятков шагов – он пробежал мимо плетня и низкого сарайчика, на углах которого плясали языки пламени и увидел четверых одетых в доспехи бородатых мужчин. Они разложили прямо на низкой стоптанной траве жалобно скулящую обнаженную девушку. Двое держали ее за руки – точнее, просто наступили на руки около запястий, один деловито насиловал, а еще один молча наблюдал за этим зрелищем.

– От блин, – тяжело ругнулся Алексей, расстегивая кобуру и доставая своего «Макарова». – Значит, на подвиги все-таки потянуло? Ну-ка, бросьте свои железяги и поднимите руки.

Наблюдавший за сценой насилия воин повернул голову на голос, хмыкнул и двинулся навстречу милиционеру, неторопливо вытаскивая из ножен меч. Одежду его составляла длинная кожаная куртка с большими сверкающими дисками на груди и несколькими металлическими пластинами на подоле. Ноги до колен прикрывали серые сапоги, а выше белела голая кожа. Нечесаная голова насильника настолько поросла волосами, что из черных кудрей выглядывали только кончик носа на лице, да сверкали глубоко посаженные узкие глаза.

– Стоять! Руки вверх, – повысил голос Рубкин и передернул затвор. – Стой, брось оружие! Стрелять буду!!!

Воин все равно приближался, играя узким, чуть изогнутым обнаженным клинком. Патрульный поднял пистолет над головой и выстрелил. Мужчина недоуменно остановился, потом двинулся дальше. Леша выстрелил еще раз. Мужчина опять остановился, вглядываясь в странное оружие, а потом рывком метнулся вперед, вскидывая саблю. Рубкин торопливо выстрелил ему в грудь два раза подряд. От сильных ударов воина откатнуло – но он удержал равновесие и снова тронулся в наступление. Алексей направил оружие на него и принялся давить на спусковой крючок, пока боек сухо не щелкнул в пустое место.

От каждого выстрела мужчину откидывало на шаг, еще на шаг, и в конце концов он все-таки упал на спину, широко раскинув руки. Алексей, видя как двое удерживающих девушку насильников сошли с ее ног, торопливо поменял обойму, передернул затвор:

– Лежать, лицом вниз! – и, не дожидаясь ответа, сделал несколько выстрелов им по ногам.

Оба врага повалились, а последний, сильным ударом в лицо сбив девушку на землю, поднялся, вынул саблю, небрежным движением вспорол обесчещенной жертве живот и повернулся к Рубкину. В этот миг в голове того и вспыхнули слова местного «мастера»: «В голову стрелять надо!».

Милиционер, раздвинув ноги, словно на тренировке, вкинул пистолет, поймал на мушку переносицу убийцы, и плавно нажал на спусковой крючок.

Тах! От головы в стороны полетели кровавые ошметки, а насильник медленно осел вниз.

– Вот так! – Рубкин спрятал оружие, оглянулся на вовсю полыхающий сарай, но в первую очередь подошел к раненым бандитам и, грубо перевернув их на живот, быстро завел заскорузлые руки за спину и сковал наручниками. – Сказал бы я вам про ваши права, но вы их теперь не имеете.

Послышался топот – патрульный повернул голову на звук и увидел еще одного бандита, в металлическом шлеме, кольчуге из больших плоских колец и обмотках. В руках преступник сжимал точно такую же прямую саблю, как и предыдущие.

– В магазине они их что ли покупали? – пробормотал Рубкин, доставая штатное оружие.

Из-за полыхающего сарая на дорожку выскочило двое пареньков в замшевых штанах и куртках. С тем же презрением к человеческой жизни, что и предыдущий бандит, этот положил ближайшего мальчишку своим клинком. Бедолага, так и не успев понять, в чем дело, схватился за горло и рухнул в пыль. Его друг, ловко извернувшись, с разворота ударил воина пяткой в голову. Тот небрежно подставил под удар железную шапку, после чего с силой рубанул поднятую ногу клинком. Второй индеец упал на землю рядом с предыдущим.

Алексей, не дожидаясь продолжения, вскинул «Макарова» и с пяти метров несколько раз выстрелил бандиту в лицо. После третьего выстрела тот взмахнул руками и свалился поверх своих жертв.

– Сколько же тут этих сумасшедших? – милиционер извлек обойму. В ней оставалось два патрона. Еще один в стволе. Рубкину стало по-настоящему страшно.

Ближние выстрелы разбудили в лагере далеко не всех. Из палатки выскочили милиционеры, принялись крутиться, пытаясь понять в тумане, куда бежать и что происходит. Следом за ними вышел сонный Росин. Поднял голову с тулупа Хомяк. Кто-то зашевелился у костра на берегу, поднялись несколько человек в стане ливонцев. От индейских вигвамов доносился шорох кустов – встревоженные мужчины лезли на холм.

Еще несколько выстрелов разорвали утренний покой. Все одновременно повернули головы в сторону холма.

– Пожар!!! – откинул брезент Никита и со всех ног кинулся к своему дому.

Следом устремились патрульные. Костя чуть поотстал, доставая телефон и пытаясь вызвать пожарных – но сотовый почему-то никак не хотел подключаться к линии.

Туман продолжал стелиться по поляне и реке, но вершушку холма не скрывал – короткая схватка индейцев с чужим латником произошла фактически у всех на глазах.

– Серый, Мишку и Вареника убили! – заорали со склона индейцы, начисто забыв, что их вождя зовут Длинное Перо. – Насмерть!

– Черт! – Росин убрал телефон и кинулся догонять ментов.

Из сарайчика высунулось двое бородатых мужчин.

– Стоять! – скомандовал Рубкин, вскинув пистолет. Незнакомые не подчинились и теперь, после трех совершенных у него на глазах убийств, патрульный выстрелил без малейших колебаний.

Тах! – один из бандитов осел вниз. В дверном проеме стал виден испуганно мечущийся в сарайчике поросенок. Тах! – второй, опять же, не поднял руки, а побежал с топором на Алексея. Патрульный выждал, тщательно прицеливаясь, и нажал на спуск: тах! Воин споткнулся и упал. Все, патроны кончились.

Распахнулась дверь избы, на улицу выскочило сразу трое бандитов – все бородатые, в округлых металлических шлемах. Двое в доспехах, один в бордовом ватнике. Эти тоже были с топорами.

– Вот и все, – понял Рубкин, убрал бесполезный пистолет в кобуру и машинально застегнул.

Разбойники, похоже, считали, что кроме них и Алексея в деревне больше никого нет – а потому пробравшиеся вдоль дома индейцы, сняв с плетней длинные слегы, смогли подкрасться сзади и нанести удары по головам двум бандитам. Третий развернулся навстречу к новому врагу – индейцы кинулись бежать. Разбойник попытался их догнать – но навстречу ему поднималось сразу двое вооруженных мужчин, причем один – в пластинчатых доспехах.

Леша кинулся к плетню и схватил с него тяжелую слегу.

– Никита, брось топор, – посоветовал мастер, глядя, как заметался попавшийся в ловушку враг. – Топорище у тебя короткое, не достанешь. А он тебя срежет. Кистень возьми. Да меться в руку, каску ты ему не пробьешь.

– А-а! – бандит кинулся на Хомяка, но милиционер метнул ему в ноги слегу, и сбил врага с ног. Все трое навалились на взбесившегося участника фестиваля, прижали к земле. Рубкин застегнул наручники:

– Все! Вот только что с теми двумя делать? – он кивнул на оглушенных слегами грабителей. – У меня «браслетов» больше нет.

– У индейцев ремешки спроси.

Со стороны реки послышалась беспорядочная стрельба. Все трое кинулись на звук, но их помощь уже не потребовалась – перед двумя милиционерами валялись еще трое бандитов, причем двое подавали признаки жизни.

– Степа, дай наручники, – попросил Леша. – У меня там еще двое лежат.

Патрульный с лычками сержанта молча протянул подчиненному блестящие «браслеты», а сам повернулся к Росину:

– Ну и как вы все это объясните, гражданин мастер?

– Это не наши ратники, не наш клуб, – покачал головой Костя. – Я не знаю, что им в голову втемяшилось.

– Как это не ваш, если они и при доспехах, и с мечами?

– Это палаши.¹⁸

– Эй подождите, – растеряно толкнул мастера Никита Хомяк. – А где моя деревня?

---

¹⁸ Палаш – в дословном переводе с польского: то ли меч, то ли кинжал. Рубящее и колющее холодное оружие с прямым длинным клинком. Может иметь двустороннюю, одностороннюю и полуторную заточку. Длина клинка – до 85 см.

В самом деле, в горячке схватки никто не обратил внимание на то, что на холме, в окружении сараев, стояло всего лишь две грубо рубленные и крытые дранкой¹⁹ избы.

Росин растеряно зажевал губу.

– Может, мы заблудились? – с надеждой поинтересовался Хомяк.

– Где? – развел руками Костя, но на всякий случай оглянулся на лагерь. Нет, лагерь был здесь на месте. А вот деревня на холме – нет.

Никита, глядя ему за спину, округлил глаза.

– Пойдите-пойдите... – порыв ветра опять разорвал туманную пелену над водой. – Смотрите!

– Что там?

– Бакенов нет на реке! И щитов навигационных тоже. А еще на острове и на том берегу дачи стояли. А сейчас сплошной лес колыхнется.

– Ничего, в прокуратуре разберутся, – пообещал сержант. – Пойдемте со мной, понятыми вас пока запишу. А ты Стас, – обратился он к другому своему напарнику, – иди в центральную сообщи, пусть бригаду присылают.

– Ага, понял, – патрульный с погонями рядового ушел в сторону просыпающегося лагеря, а оставшиеся люди двинулись в сторону домов.

– Ничего не понимаю, – крутил головой Хомяк. – Вот здесь, вместо этих столбов с сетями, стояла хибара буржуя. Рядом Лупаска дом, сруб кирпичом обложенный. Дальше мельничный двор, магазин. Вы же сами магазин видели! Это что шутка, да? Костя, перестань!

– Никита, ты за кого меня принимаешь? За Коперфильда? Куда я, по-твоему, кирпичные дома деть могу?

– Пошли, пошли, не отставайте! – поторопил их сержант, поднимаясь на приступку перед дверью дома.

– Смотрите! – Росин указал на деревянные петли, на которых держалась дощатая дверь. В бревнах был вырезан небольшой паз, туда вставлен деревянный штырь. На штыри и одевались торчащие из двери деревянные «лапки» со сквозными дырами. – Ч-черт, первый раз такое вижу.

– Давай, зубы мне не заговаривай, – Степан вошел в дверь и издал возмущенный стон. Росин и Хомяк сунулись следом.

Темная изба с затянутыми чем-то, напоминающим пергамент, окнами состояла из одного помещения, в центре которого стояла сложенная из крупных камней большая прямоугольная печь, заваленная сверху грудой тряпья. А на полу лежали мертвые тела: двое мужчин в полотняных рубашках, залитых кровью; женщина, отрубленная голова которой продолжала покачиваться рядом с плечами и, что самое страшное – дети. Четверо детей в возрасте примерно от трех до десяти лет.

– Кто это сделал?! – повернулся сержант к Росину, хватаясь за кобуру. – Кто это сделал, мастер хренов?!

– Что ты на меня орешь?! – повысил голос Костя. – Я тебе что, моххабит недорезанный, детей убивать?!

– Твои это! С придурью! Мечами поиграть захотелось!

– С ума сошел?! Не могут русские таким заниматься! Да я им сам глотки перегрызу, тварям! На улице они лежат, забыл?

---

¹⁹ Дранка – деревянные пластины для кровли. Изготавливаются так: берется деревянный чурбачок и аккуратно расслаивается вдоль волокон на деревянные пластины толщиной от сантиметра до трех. Затем получившаяся «черепица» укладывается на крышу. Дранка использовалась для любых домов – от бедняцкой хижины до царского дворца или церковного купола. Хозяева побогаче украшали нижний край деревянных пластин, видимый снаружи, разнообразной резьбой. Соломенные или иные кровли использовались только в южных, бедных лесом землях Руси.

Люди все вместе выскочили на пыльную утоптанную землю. Сержант остановился рядом с закованным в наручники бандитом, несколько раз пнул его ботинком в бок:

– Ты кто такой? Откуда? – но пленник тихо рычал, что дикий зверь.

– А вот здесь, – Хомяк указал на догорающий сарай, – стоял мой дом. С подземным гаражом, два этажа. Три машины кирпича заказывал, не считая фундамента.

Ситуация казалась настолько бредовой, что Никита даже не проявлял беспокойства. Ну куда могла исчезнуть целая деревня в несколько дворов? И если ее снесло некое стихийное бедствие, украли инопланетяне, разбомбила авиация НАТО – то кто аккуратно разровнял землю, засадил травой и поставил вместо каменных деревянные дома?

– Мастер, вы здесь? – поднялся со стороны реки Игорь Картышов. – Идите ко мне, посмотрите.

– Стоп, без меня никуда не ходить! – предупредил сержант, направился ко второму дому, заглянул внутрь и испуганно шарахнулся назад. – Гдатская сила, и здесь тоже... А что у реки?

– Пошли, посмотрим, – позвал Игорь, спускаясь обратно к воде.

У самого берега, привязанная с толстой березе, покачивалась большая лодка – метров десять в длину, трех в ширину, с высокой мачтой. Никаких надстроек-кают на ней не имелось, но перед мачтой стоял небольшой парусиновый навес. Росин сразу обратил внимание на толстые пеньковые канаты, полотняный парус, на прицепленные к бортам круглые щиты, на лежащие на дне две граненые пиццали. Похоже, это судно собирали по всем правилам в каком-то реконструкторском клубе.

– Неужели новгородские ушкуйники? – покачал он головой. – Они что, белены объелись?

– Кто-кто? – наострил уши сержант.

– Утром несколько лодок должно было из Новгорода подойти, – пояснил Росин. – Шведскую высадку изображать. Вот что мы сделаем: Игорь, иди к стоянке «Глаза Одина», попроси их взглянуть на этот кораблик. Может, признают, видели на каком-нибудь сборище. И скажи, пусть все в лагере доспехи оденут. Мало ли еще какие психи объявятся...

– Здесь я отдаю приказы! – повысил голос сержант.

Игорь кивнул и побежал в сторону поляны.

– Ну... – запнулся милиционер, потом зло сплюнул и пошел следом.

Лагерь просыпался. Кое-кто еще только потягивался, брел к реке, умываться, предвкушая веселый интересный день, но многие уже знали о случившихся поутру убийствах и озабоченно обсуждали случившееся. Совет надеть доспехи был воспринят как сигнал явной и вполне реальной опасности – впрочем, совершенно правильно.

– Степа, центральная не отвечает, – кинулся навстречу командиру патрульный. – Кажется, рация накрылась: вообще ничего не слышно, только треск.

– Гдатская сила, этого только не хватает! – выругался сержант. – Ну-ка, дай я попробую...

Пока начальник патруля орал в микрофон рации, Росин достал свой сотовый, попытался набрать номер, но телефон упрямо не подключался к линии. Тогда Костя отошел к палатке, потряс за плечо спящего там на раскладушке Немеровского:

– Миша, у тебя «труба» с собой?

– А-а, мастер? – продрал глаза тот. – С собой. А что?

– Вызови «скорую». Скажи, есть раненые. С огнестрельными ранениями.

– Огнестрельные?! – сел на постели Миша. – Откуда?

– Ты «скорую» вызови, – попросил Росин. – Потом расскажу.

На улице вокруг палатки мастеров и рядом с милицейской машиной начала потихоньку собираться толпа. В основном из тех, кто приехал на фестиваль из любопытства или заодно с друзьями.

Сержант, наконец, сдался перед бунтом техники, повесил микрофон, поставил ноги на землю и задумчиво почесал голову.

– Эй, начальник, – окликнули его из толпы. – Ты хоть объясни, что происходит! А то, говорят, тут чеченцы целый поселок вырезали!

– Какие чеченцы? – отмахнулся милиционер. – Ваши же дружки перепились и резню устроили. Стас, давай так: вы с Лехой соберите арестованных в один сарайчик, запирайте... Убитых не трогайте, пока бригада не приедет. Ну, ты покарауль задержанных, а Леха пусть любопытных в деревню не пускает, и проследит, чтобы из лагеря никто не ушел до приезда следаков.

– Нам тут что, на цепи сидеть? – моментально начали возмущаться в толпе.

– У меня собака дома не кормленая!

– А у меня сегодня деловая встреча!

– Спокойно граждане, спокойно! – поднял ладони сержант. – Отсюда до Кировска всего двадцать километров! Через час сюда приедут наши сотрудники, снимут предварительные показания, запишут ваши данные и вы сможете отправиться на все четыре стороны! Стас, а ты не стой. Работайте давай, работайте.

Он захлопнул дверцу, завел мотор. Минуту выждал, давая маслу время разойтись по двигателю, после чего тронулся и медленно двинулся к выезду с поляны. Там «УАЗик» оставался. Сержант вылез наружу, присел на землю и принялся рассеянно ковырять пальцем землю. Росин побежал к нему – толпа хлынула следом.

Выезд с поляны на шоссе огораживали несколько высоких тополей. Деревья стояли на месте, но вот шоссе – шоссе не было! Сразу за тополями начиналась заболоченная низина, утыканная редкими низкими березками. Патрульный расковырял ямку глубиной сантиметров десять, поднял глаза на Росина:

– Ты смотри, как его уничтожили. Никаких следов не осталось.

– И что делать будем?

– Придется пешком идти, – выпрямился сержант. – От деревни должна быть дорога. Иначе как они тут живут? До Кировска доберусь, там разберемся. Боюсь только, не поверят они мне.

– А нам что, до завтра тут торчать, пока вы все туда-сюда бродите? – выступил вперед молодой человек в капроновом спортивном костюме. – Мне сегодня в три нужно быть на Витебском вокзале. Я из-за вас работу терять не намерен!

– А у меня собака не кормлена! – поддакнул женский голос.

– Мне нужно сделать сегодня в два важный звонок, – добавил стоящий с края полный лысоватый мужчина. – А телефон здесь почему-то не работает.

– Сделаем так, – сдался сержант. – Все, кому срочно нужно уехать, пойдут со мной. В отделении с них снимут показания, после чего отпустят. Только имейте в виду: идти придется больше двадцати километров. Это тяжело.

– Двадцать километров, это часов пять идти, – покачал головой мужчина. – Как бы не опоздать. Девятый час уже.

– Ну, кому нужно, идите за мной, – сержант двинулся через поляну в сторону разгромленной деревни.

– Мастер, а телефон-то крякнулся, – окликнул Росина Немеровский. – Ни ответа, ни привета. Словно мы в пустыне Сахара сидим, а не рядом с городом.

– Мой тоже не работает, – кивнул Костя. – И милицейская рация.

– Может, буря электромагнитная?

– Вполне может быть, – пожал плечами мастер. – Она и бакены по Неве утопила, и дачи на том берегу снесла, и дома в деревне подменила, и шоссе кировское сжевала.

Немеровский круто развернулся на одном месте:

– От блин! И правда ничего нету! Слушай, мастер... Ну ладно, бакены утопить можно, а дачи-то куда делись? Нет, снести дома можно – но откуда вместо них лес?

– Ты дежурных на кухню назначал? Пусть кашу на завтрак варят. Сейчас сержант свалит, сходим лодку одну внимательно осмотрим. Потом позавтракаем и совет мастеров соберем. Может, к тому времени что и уяснится.

Когда вместо шоссе за поляной обнаружилась низкая болотина, Степану стало жутковато. Он мог понять, как опившиеся водкой и чокнутые на мечах мужики полезли грабить соседние дома – кто их знает, может они себя викингами вообразили? Но исчезнувшее шоссе... От этого веяло настоящей чертовщиной, и сержант даже тихонько незаметно перекрестился.

Упрямство свидетелей, вечно норовящих ради своей копейки плюнуть на чужую жизнь, на этот раз его только порадовало – топать в Кировск в одиночку ему совсем не хотелось. Поэтому Степан разрешил всем желающим идти за ним, а потом с независимым видом двинулся к деревне.

Поднявшись на холм, он оглянулся: следом вытянулось в цепочку шесть человек. Две девицы, какой-то хиппи с дымящейся самокруткой во рту, лысоватый мужчина и две парней в спортивных костюмах. На душе стало чуть спокойнее – Степан ни разу не слышал, чтобы лешие или «зеленые человечки» связывались с такими большими группами людей. С лесной нечистью сталкиваются чаще всего одиночки.

Поравнявшись со своим подчиненным, сидящим на березовом чурбаке, сержант остановился:

– Ну как у вас тут, Стас?

– Сволокли их всех вместе. Ножи всякие, сабли, кистени и прочее в том доме, за дверью сложили. Лежа двоим ноги прострелил. Врач из этих, – милиционер кивнул в сторону поляны, – лапы перевязал, но нужно скорую. И еще один... В куртке был, в кожаной, а внутри железо зашито. «Макаров» куртку не пробил, но кости у него, кажись, все переломаны. Долго не протянет.

– Ладно, смотри тут, больше не пей. Я скоро вернусь.

От деревни вниз с холма действительно вела узкая тропинка. Степан пошел по ней, надеясь, что вскоре выйдет на более проезжую дорогу. Он не видел, как к оставленному им часовому подошла босоногая девушка лет семнадцати в простой полотняной рубаше ниже колен и протянула деревянный ковшик:

– На, трудник,²⁰ испей кваску с устатку.

– Спасибо, – с самого утра Стасу в рот не попало еще ни капли воды, а пить после вчерашнего хотелось страшно. Он с наслаждением выпил холодный, чуть кисловатый пенящийся напиток: – Ох, хорош квасок, забористый. Спасибо.

– Сама варила, сама ставила, сама стерегла, – девушка забрала ковшик и поклонилась патрульному в пояс. – Благодарствую тебе, вой, за станишников²¹ злобных. Ты спи, беды не чуй. На тебя затайки не держу.

– Да что ты, все хорошо... – Стас почувствовал, как у него слипаются глаза. – Черт, вставать только рано пришлось.

Гостья выпрямилась и молча ждала. Милиционер клюнул носом раз, другой, а потом повалился с чурбака на бок. Девушка отошла к сметанному неподалеку от сарая стожку, принесла охапку сена, подложила Стасу под голову. Потом сходила еще за несколькими охапками, торопливо обкладывая ими сарай с арестованными бандитами, больше всего навалив около подпертой двери.

Стас перевернулся на спину и начал раскатисто похрапывать.

---

²⁰ Трудник – человек, взявший на себя подвижнический обет

²¹ Станишник – тать, рабойник, вор, преступник.

Тропинка продолжала вилась по лесу вдоль Невы, обходя буреломы и заболоченные впадины, ныряя в овражки и забираясь под низкие березовые кроны – но так и не думала выводить путников на дорогу. Наконец, когда впереди открылась небольшая поляна, лысоватый мужчина взмолился:

– Ребята, давайте отдохнем немного! Задыхаюсь.

– Ладно, перекур, – разрешил сержант, останавливаясь рядом с активно лезущим из широкой ямы ивовым кустом и доставая пачку «Мальборо». – Рано задышаться начали, пяти километров еще не прошли.

– Вообще-то, тут шоссе должно быть, – прижал ладонь к боку мужчина. – И масса проселков. А вы нас какими-то кабаньими тропами ведете.

Парни и девушки, собравшись кружком, защелкали зажигалками. Хиппи, ничуть не стесняясь сержанта, принялся сворачивать «косяк».

– Большинство проселков ведет от населенных пунктов к реке, – парировал Степан. – Раз мы не пересекли ни одного, значит их нет.

– И куда они все внезапно подевались? – саркастически поинтересовался мужчина. – Волки съели?

– Придем в Кировск, там, надеюсь, все выяснится, – пожал плечами сержант – и вдруг увидел, как из-под березовых ветвей вылетают, прижимаясь к гривам коней, закованные в железо всадники с обнаженными саблями.

Степан схватился за кобуру, расстегнул – а первый из всадников уже промчался отделяющие его от людей пять-шесть метров. Степан достал пистолет – всадник в островерхом шлеме с посвистом взмахнул саблей направо и налево. Голова стоящей к нему спиной девушки надломилась набок и повисла на лоскуте кожи, а череп лысого мужчины прорезала глубокая рана. Сержант столкнул флажок предохранителя, дернул затвор – скачущие по пятам первого два других всадника расплосовали саблями хиппи и обоих парней, а первый воин уже поравнялся со Степаном.

Сержант вскинул пистолет, но каленый суздальский клинок упал вниз, прошелестев мимо его уха и перерубив ключицу и несколько верхних ребер. Рука повисла. Двое поотставших всадников дотянулись мечами до последней уцелевшей девушки, отрубив ей руку и глубоко исплосовав спину. А Степан приложил левую руку к разрубленному плечу, посмотрел на струящуюся кровь и сильно удивился тому, что после всего этого остался жив. Однако в ногах ощутилась предательская слабость. Сержант упал на колени, простоял так еще несколько секунд, стараясь удержаться в сознании, а потом рухнул лицом вниз.

Человек государев

Трое скачущих одвуконь.²² всадников стремительно пронесли по тропе между яблоневым садом и капустными грядками, проскочили в ворота огороженного высоким тыном двора и остановились у резного крыльца бревенчатого дома в два жилья²³

– Никак в нетях все? – усмехнулся русоволосый кареглазый воин, одетый в зашнурованный до горла короткий юшман.²⁴ Ноги его поверх сапог из толстой бычьей кожи прикрывал темный батарлыг,²⁵ на правой руке был закреплен ярко начищенный наруч.²⁶ – Государеву человеку корец²⁷ поднести некому?

С левой стороны его седла, у самого стремени, под круглым щитом, болталась потрепанная ивовая метелка, с правой стороны, под островерхим шлемом, покачивалась полусгнившая собачья голова. Колчан с луком лежал на крупе вороного коня.

– Смотрите, чужь белоглазую провороните, – он спрыгнул с седла на землю, придерживая кривые сабельные ножны.

Только тогда из ворот длинного сарая, у стены которого лежала кipa сена, выбежал боярский ярыга²⁸ и подхватил коня под узды.

Двое других всадников тоже спешили. Один – совершенно седой, с короткой аккуратной бородой, был одет в старый дедовский колонтарь²⁹ и полотняные порты, на поясе висел прямой меч и длинный косец. Второй, молодой безусый парень, красовался в одной косоворотке – правда, у седла его также висели продолговатый щит-капелька и ляхская железная шапка с бармицей, а на поясе болталась кривая татарская сабля.

Из дома выбежало еще несколько подворников,³⁰ а следом за ними появился и сам боярин Харитон Волошин, в синем опашне поверх блестящей рубахи и портков из повалоки.³¹

– Не рад государеву человеку, боярин, – укоризненно покачал головой Зализа. – Не ждешь, не привечаешь.

– Пульхерия, поднеси гостям сбитеню³² с дороги, – распорядился Харитон. – В горницу их проводи, снеди поставь.

Однако спорить с тем, что гостю он не рад боярин не стал.

---

²² Одвуконь – верхом, и еще с одним заводным (резервным) конем

²³ В два жилья (дом) – два этажа

²⁴ Юшман – это кольчужная рубашка с вплетенным на груди и спине набором горизонтальных пластин. На изготовление юшманов, обычно, шло около 100 пластин, которые монтировались с небольшим припуском друг на друга. Юшман имел полный разрез от шеи до подола, надевался в рукава, как кафтан, застегиваясь застегивками – «кюрками» и петлями. Иногда «доски» юшмана «наводились» золотом или серебром; такой доспех мог стоить очень дорого. Вес юшмана: 12–15 кг.

²⁵ Батарлыг (бутурлык) – воинский доспех, прикрывающий ногу воина от колена до щиколотки.

²⁶ Наруч – наручи предохраняли руки русского воина, одетого в доспехи, от локтя до запястья. У кистей рук наручи соединялись прямоугольными пластинами – чревцами, к руке они крепились ремешками.

²⁷ Корец – небольшой ковш.

²⁸ Ярыга – человек, попавший за долги в кабалу. В отличие от крепостного, он не мог покинуть своего хозяина.

²⁹ Колонтарь – доспех без рукавов из двух половин, передней и задней, застегивавшихся на плечах и боках латника железными пряжками. Каждую половину от шеи до пояса составляли ряды крупных металлических горизонтально расположенных пластин, скрепленных кольчужным плетением. У пояса прикреплялась кольчужная сеть – подол, спускавшаяся до колен. Спинные пластины колонтаря делались тоньше и меньше грудных. Русские колонтари очень высоко ценились во всем цивилизованном мире. Стоимость парадного доспеха, украшенного золотой насечкой, гравировкой, прорезным орнаментом, доходила до 1000 рублей. Для сравнения: годовое жалование тогдашнего офицера (служилого боярина) составляло от 4 до 12 рублей. Проще современному лейтенанту новенький «Мерседес» купить, чем тогдашнему – парадный доспех. Колонтарь использовался в русскими воинами начиная с 14 и по 17 века.

³⁰ Подворник – бездомный человек, живущий при чужом дворе, батрак.

³¹ Повалока – собирательное название для чужеземной (привозной) ткани.

³² Сбитень – горячий напиток из воды, меда и пряностей.

Еще ни разу вслух не повздорил боярин.³³ Волошин, считающий свой род со времен великого князя Михаила и владеющий самыми обширными поместьями на Ижорском погосте с опричником³⁴ Семеном Зализой, целовавшем саблю лично государю Ивану Васильевичу на верное честное служение и получившего на прокорм семь деревенок, откупленных у вотчинника³⁵ Антелева, как разоренные полным его нерадением³⁶ Вслух они никогда не спорили – но взаимная неприязнь выступала в мелочах. Никогда еще корец после долгого пути не подносила опричнику дочь или жена боярина Харитона – а только дворовые бабы. Именно бабы – даже девки молодой Волошин к государевым людям не подпускал. Никогда не садился боярин с Зализой за один стол, никогда не кормил вдосталь. Только так, долг свой блюл, и не более.

Зализа же со своей стороны не забывал поспрошать у старых людей, как вели себя дед и отец боярина во время новгородских измен,³⁷ и слова эти запоминал; примечал, сколько дворов в деревнях боярских, сколько пашни поднято. Правда, боярин пока не обманывал, и по государеву призыву выставял со своих больше чем двух тысяч вспаханных четей двадцать два всадника.

Хотя, может, и не дичится боярин опричника, а просто родом своим горд без меры. Вон, дочке его, Алевтине, уже шестнадцать лет скоро, а он женихов достойных до сих пор выбрать не может. Вотчинник Коволин сватался – прогнал.

– Что тебя в земли мои привело, человек государев? – вежливо поинтересовался боярин, глядя как поглощает опричник горячий сбитень. – Али дел больше на рубежах государевых нет?

– Верно молвишь, есть дела на рубежах государевых, – Зализа стряхнул последние капли на землю и утер рот. – Да сам знаешь, бояре и вотчинники земские долг свой забыли. Смердов³⁸ без меры тяготят, за землями своими не следят, порядок не блюдут. Приходится нам, слугам государевым, станишников ловить.

– Это ты здесь их ловить собрался? – скрипнул зубами боярин.

– Нет, возле леса Игнатова, что у деревни твоей, Замежьи. Пришел ко мне наемни афеня³⁹ почаповский, да рассказал, как у Игнатова леса трое татей его зацапали, товар и деньгу

---

³³ Боярин – русский князь средней руки, подчиненный вассальной зависимостью более крупному землевладельцу. Водская пятина, например, входила в состав Новгородской феодальной республики. Соответственно, местный боярин был обязан по призыву явиться в ряды новгородской рати вместе со своими вотчинниками.

³⁴ Опричник – офицер, подчиняющийся лично государю и выполняющий его указы. За время безвластия (Иван Грозный ступил на престол в возрасте трех лет и, естественно, долгое время не мог являться реальным руководителем) русское дворянство привыкло к бесконтрольности и вело себя наподобие польской шляхты. В 1550 году царь Иван учредил личную тысячу, в которую вошло 6000 вольных людей всех званий, каковая и стала выполнять исконно дворянские обязанности: нести воинскую службу и осуществлять административно-управленческие функции. «Тысяча» подчинялась лично государю, оприч прочих, зачастую враждебно настроенных руководителей. Принцип опричнины хорошо знаком нашим современникам. Владимир Путин, став президентом, так же учинил опричнину: назначил семерых своих представителей, подчиненных лично ему и способных доводить волю руководителя государства оприч местных властей. Сходство подчеркивается и тем, что термина «опричник» в 16 веке не существовало, его придумали историки намного позднее. Официально опричники назывались «государевыми людьми», ругательно их обзывали «кромешниками» – то есть людьми, балансирующими на границе добра и зла.

³⁵ Вотчинник – более мелкий дворянин подчиненный вассальной зависимостью местному князю или боярину.

³⁶ Откупленные деревни – Иван Грозный имел привычку изымать владения у нерадивых хозяев, излишне притесняющих крестьян, неспособных привлечь к себе новых поселенцев, выставить полноценных ратников с «хорошей земли». За отобранные владения выплачивался выкуп.

³⁷ Новгородские измены – жители Новгорода отличались хронической неуживчивостью с остальной Русью, и с достаточной регулярностью то объявляли о своей независимости, то звали к себе «на стол» мелких прибудных князей. Соответственно, практически каждый великий князь или царь хоть раз, но ходил на Новгород воевать. На момент описываемых событий последний раз новгородцам «вправлял мозги» Иван III в 1471 году.

³⁸ Смерд – крепостной крестьянин в древнерусском государстве. Позднее – презрительное название всех простолюдин. Предполагается, что название произошло от слова смердеть (вонять, чадить), хотя могло быть и наоборот. Понятие «крестьянин» (христианин) по оценке историков появилось не раньше 17, а то и 18 века.

³⁹ Афеня (офеня) – корабейник, торговец вразнос. Скрывая торговые дела от разбойников, они придумали разговаривать на своем особом, непонятном окружающим языке (по фене).

отобрали, да еще и порты сняли. Примету назвал ясную: косарь⁴⁰ у станишников с рукоятью из кости резной, на собачью морду похож. – Опричник оглянулся на своих людей: – Агарий!

Седой мужчина снял с пояса длинный нож, протянул своему воеводе. Зализа показал трофей боярину:

– Похожа?

Чья-то умелая рука завершила истертую рукоять оскаленной песьей мордой, старательно прорезав каждую деталь.

– Приметная вещь, – вынужденно признал Волошин.

– И порты у него тоже приметные, – рассмеялся опричник. – Но их я брать не стал, не обессудь.

– Кто же тати?

– Как кличут, мы не испрашивали, боярин. Посекли и оставили волкам на поживу. А поежели ты смердов к осени не досчитаешься, стало быть не те людишки в поместье твоё сбиваются, подумай.

– Ништо, я станишникам не скрывщик. Сам повешу, поежели найду.

– Ну-ну, – опричник отдал косарь Агарию.

– Почивать собираешься? Али не притомился? – скромно поинтересовался боярин.

– Нам почивать неместно, – отмахнулся Зализа. – Завтра засечный дозор сменить надобно. Почитай, десять дней в поле.

Уж чего-чего, а ночевать в доме боярина Волошина он не останется ни за что! Государь особо зарок требовал, чтобы с земскими опричным людям не водиться, не разговаривать, на свадьбу друг к другу не ходить. Забыть не могут бояре, как при младенчестве государевом руки над собой никакой не знали, долг Москве отдавать не хотели, под чужую руку земли русские предавали. Нет, к этой заразе государеву человеку касаться нельзя. Его долг измену выгрызть, а предателей – выметать.

К тому же, и до своих деревенок полдня пути осталось.

– Тогда в горницу прошу, чем богаты. Пульхерия, проводи гостей.

Сам боярин за стол к низкородным, по его мнению, людишкам не сел, и ели они в гордом одиночестве. Харитон Волошин, как всегда, разносолами гостей не баловал: холодные щи,⁴¹ со свеклой, запеченная утка, вареная убоина⁴² пряженцы,⁴³ с вязигой⁴⁴ да сыта⁴⁵ напоследок. И на жадность хозяина сетовать не за что, и не рассидишься особо. Где-то через час приморившие червячка гости вышли на крыльцо. Из раскрытых ворот сарая доносились звуки кнута и жалобные вскрикивания. Зализа улыбнулся. Он знал, что происходит: на конюшне пороли нерадивого дозорного, прозевавшего приезд вооруженных гостей. И правильно пороли: сегодня опричников проглядит, завтра ляхов прохлопает.

– Эй, ярыга, кони кормлены?! – громко окликнул Семен, хорошо зная, что провожать его боярин не придет.

– Сей же час, воевода,⁴⁶ веду, – высунулся из ворот конюшни харитоновский человек.

---

⁴⁰ Косарь – большой нож, сделанный из обломка косы.

⁴¹ Щи – щами на Руси назывался любой суп.

⁴² Убоина – говядина

⁴³ Пряженцы – жаренные пирожки

⁴⁴ Вязига – сухожилие красной рыбы, связки, идущие вдоль всего хребта. Для пирогов вязигу варили.

⁴⁵ Сыто – разбавленный водой мед, подаваемый в конце застолья. Наестся «до сыта» дословно означает – нажраться до упора.

⁴⁶ Воевода – военачальник, совмещавший административную и военную функции. Это слово появилось в 10 в. и часто встречается в летописях. До 15 в. он обозначал либо командира княжеской дружины, либо руководителя народного ополчения. В 15–17 вв. так именовали командиров полков и отдельных отрядов. В 18 в. указом Петра I звание «воевода» было отменено. Помимо чисто военного чина, были и городовые воеводы. Это звание, или скорее должность, появилось в 16 в. Люди, носившие его, были правителями города.

– До темна дома будем, – с удовлетворением отметил Зализа. – Пожалуй, к Неве завтра не с утра поскачем, а после полудня. В поле переночуем, а поутру назад.

Дорога из боярского двора вела широкая: заводной конь легко шел рядом со всадником. Позвякивая кольчугами, маленький отряд за пару часов миновал волошинские деревеньки Елгино и Кость, после чего втянулся на узкую тропу, ведущую вокруг Лисинской вязи.

Болота были сущей напастью Северной пустоши, покрывая большую ее часть. Недаром издавна по сторонам Невы ютились только редкие чухонские рыбацкие деревушки, да попадались на зимниках лабазы промысловиков из Нового Города, забредавших в гнилые места только в студеную пору.

Под копытами зачавкало, осиновые ветви стали бить по лицу, заставляя людей опускать головы к самым гривам. Кони шли неспешным шагом, успевая прихватывать мягкими губами зеленые листочки – и в ушах тут же зазвенели крылышки собравшихся со всей округи комаров. По счастью, на взгорке впереди пять лет назад лихо погулял смага,⁴⁷ и с тех пор там только-только начали подниматься молодые березки. Перемахнув темный землистый ручей, всадники взметнулись на холм, под яркое солнце и пустили коней в намет, позволяя встречному ветру сдуть комариное племя. Промчавшись так с полверсты, снова перешли на широкую походную рысь, сберегая силы коней.

Пожарище кончилось, и тропа опять сузилась до полсажени,⁴⁸ протискиваясь мимо темно-зеленых елей, и стала описывать новую широкую дугу вокруг Розинской топи. Еще час пути – и впереди открылся Кауштин луг. Начинались жалованные государем опричнику Семену Зализе земли.

Как раз Кауштин луг и вызывал у Семена самые грустные мысли. Почти три сотни чатей пустующей земли, стремительно зарастающей ивой, да полуразвалившаяся печь на печище у хвойника, рядом с узкой речушкой. Смерды, жившие там при вотчиннике Антелеве, после пожара строиться заново не стали, а ушли к Казанским засекам, на новые земли. С тех пор здесь никто не селился, а оставшийся без рук позем погибал.

Прямо из-под ног вырвался серый комок и, отчаянно петляя, рванулся к рябиновым кустам. Хотя косою сам напрашивался на стрелу, воины пожалели тратить на него время. Отмахав полторы версты широкого луга, они попали под кроны густого лиственного леса, заросшего перепутанной травой, пересекли неширокий овражек, обогнули Земляной Глаз – небольшое лесное озерцо и вышли на довольно широкую тропу, по которой опять можно было двигаться широкой рысью. Впереди засветлело: там открывалась длинная Чепекская верья.⁴⁹ Тропинка раздвоилась.

– Смотри, Осип, завтра к полудню! – напомнил Зализа, и слегка шлепнул коня по крупу, подгоняя его вперед.

– Благодарствую, воевода! – парень в косоворотке свернул на боковую тропинку. – Как солнце поднимется, сразу стронусь!

Опричник кивнул, поглядывая на небо. Там натягивались темные тучи, обещая непогоду. Значит, стемнеет куда раньше, чем он рассчитывал.

---

⁴⁷ Смага – пожар.

⁴⁸ Сажень – мера длины, первоначально равная длине вытянутой руки или большому шагу. Термин происходит от глагола сгать (широко шагать). С 11 в. так стали называть меру в два раза большую – от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой. Это так называемая прямая сажень. Косая сажень определялась от пальцев ноги до конца пальцев руки, вытянутой над головой по диагонали. Сажень уточнялась более чем тридцатью различными определениями, которые указывали на разное метрологическое содержание и на сферу применения: сажень аршинная, береговая, большая, великая, городовая, государева, дворовая, землемерная, земляная, казачья, казенная, коловратная, косая, косовая, крестьянская, лавочная, маховая, мерная, мостовая, небольшая, новая, ножная, печатная, писцовая, полная, простая, прямая, ручная, степенная, ступенная, таможенная, трехаршинная, трубная, указная, ходячая, царская, церковная, челоуежья, четырехаршинная и так до бесконечности.

⁴⁹ Верья – луг или поле с поперечными лесными перемычками

– Давай, Урак, давай, – снова поторопил Семен коня. – Скоро отдохнешь.

Тропа вдоль верей была если и не широкой, то хорошо натопанной, и всадники могли не бояться неожиданных ям или низких ветвей. Миновав луг, они повернули налево, вброд перешли небольшую прозрачную речку, немного проскакали вдоль нее.

– Я поеду, воевода? – запросился Агарий.

– Ступай, – кивнул Зализа, позволяя воину повернуть коней, а сам двинулся дальше вниз по течению.

Еще час скачки – и впереди показалась деревня. Опричник въехал во двор с первыми каплями дождя, самолично расседлал коня, после чего завел обоих скакунов в загон и насыпал им овса. На улице и вовсе стемнело – только ливень шумно хлестал по дранке крыши, по уличной траве, по листве ближних деревьев. Зализа запахнул ворота, кинул поперек створок завор, и поднялся в дом.

Лукерья суежилась у печи, не заметив возвращения хозяина даже после того, как опричник вошел в комнату. Спихнулась она только после того, как грохнули о лавку снятые вместе с широким поясом ножны – приставила ухват к стене, поклонилась:

– Здрав будь, Семен Прокофьевич. Потчевать не желаете? Щи грибные горячие, сорочинская ярмарка⁵⁰ с убоиной сейчас будет.

– Откель убоина? – удивился опричник, расшнуровывая юшман.

– Никита Разин, смерд из Еглизей, оброк наемдни привез. Полть⁵¹ убоины, полть хряка опаленного, грибов кадушку, капусту, морковь, несколько мешков ячменя, овес, капусту, морковь, репу. Я в клеть во дворе сложить велела, сами можете посмотреть, Семен Прокофьевич. Еще чухонец заходил, что в Антелевом месте осел. Принес трех лещей копченых, шуку с полпуда весом. Я в погреб сложила.

Крещеный чухонец Ждан, неведомо откуда прибредший тонник, год назад поселившийся в полуразвалившемся доме вотчинника Антелева был единственным приобретением Зализы на новом месте.

Получивший земли еще от великого князя Василия Ивановича, прежний боярин явно желал получать с новых угодий столько же дохода, сколько и с волжских вотчин. Посажённый им наместник так гнел смердов, что разбежались почти все. Хотя размерами дарованные Зализе земли мало уступали поместьям служилого⁵² боярина Волошина, но из семи деревень две вовсе пустовали, в Погах и Еглизях осталось по два двора, в Тярлево один. Только в Кабраловке и Анинлове уцелело четыре нормальных подворья – правда, один из домов занимал сам опричник.

Видимо, антелевский наместник считал, что семья мужика Лукашина, только-только поставившая новый дом, никуда не денется, а потому прижал ее сильнее других. А они взяли, да и ушли, оставив на память о себе приживалку Лукерью – женщину лет сорока, потерявшую всю родню после набега ливонской шайки.

Приняв под свою руку такую разоренную вотчину, Зализа оброка снижать не стал, но от барщины смердов освободил полностью, и они, вроде бы, с облегчением подняли головы и разбегаться больше не торопились. Правда, новых поселенцев в его владения не приходило. Да и кому хотелось жить в здешних болотистых местах? Единственное прибавление – круглолицый, пропахший рыбой чухонец, поднявшийся как-то на лодке от Невы по мутноватой Ижоре и поставивший под взгорком у реки свой шалаш.

---

⁵⁰ Сорочинская ярмарка – так иронично называли рисовую каша. Наименование «сорочинская» произошло от слова «сарацин» – мусульманин, так как рис привозили из мусульманских стран.

⁵¹ Полть – половина мясной туши, разрубленная вдоль по хребту.

⁵² Служилый боярин – дворянин, получавший земельный надел за воинскую службу. Обязанность нести службу передавалась по наследству вместе с наделом.

Трудно понять, то ли был он глуп от рождения, то ли прикидывался, но на расспросы опричника кто он и откуда, говорил только, что ушел с острова Русов, потому, как жить там стало тяжело. Зализа тогда махнул рукой в сторону бесхозного Антелевского дома – мол, живи здесь, и оставил его в покое. Ждан перебрался в дом, потихоньку перекрывая крышу и поднимая углы, а заодно ставил в Ижоре сети с ячеей в пять ногтей,⁵³ коптил на опушке рыбу, не забывая время от времени приносить часть улова в дом помещика. Потом вдруг оказалось, что вместе с ним живет светловолосая рябая женщина и двое сорванцов – видать, решил осесть.

Больше никто на земли Зализы не приходил, надела не просил. Может, когда вырастут отроки во дворах нынешних смердов, он и не захотят уходить из родных мест, поднимут забытые пашни, заново отстроят ушедшие в землю дворы. Ну, а пока Семену Зализе только-только хватало на прокорм. Если бы не государевы двадцать рублей в год за службу – так и вовсе хоть подавание проси.

Самое обидное – боярин Харитон, имея под собой почти шесть сотен дворов сидел в поместье, и в ус не дул, а Зализе приходилось стеречь границы Северной пустоши, наскребая засечные наряды со своих двенадцати дворов. Хорошо, в Кабраловке у Кузнецовых хозяйство стояло крепко, и деда их Агария, прошедшего несколько войн, Зализа мог брать в засеку, не боясь разорить двор, да в Погах у Моргуновых старший сын сам рвался попробовать свои силы в ратном деле. Еще двух ребят он сманил со своей черной сотни после того, как саблю государю поцеловал – эти хозяйством обзавестись не успели, и с ними было проще.

Свое маленькое воинство Зализа берег – потому, как другое взять неоткуда. Осипу отдал привезенные из Казанского похода щит, шлем и саблю, снятые с убитого татарина, со всеми делился маленькой мздой, случавшейся на порубежной службе. Так, с трех станишников, пойманных в Игнатовом лесу осталось им помимо косаря еще и отрез гладкого голубого шелка, пара сафьяновых сапог, топор, один золотой ефимок, да около рубля серебром. Талер Зализа взял себе, а всем остальным «побрезговал», позволив разделить своим засечникам. Пусть дома похващаются.

Зайдя в свою комнату, опричник скинул на сундук тяжелую бронь, войлочную поддоспешную рубаху, с наслаждением потянулся. Тело казалось легким, невесомым. Толкнись ногами от пола – вспаришь под самый потолок.

– Лукерья, а Мелитина где?

– Домой пошла, Семен Прокофьевич, недужится ей.

Мелитиной звали девицу со двора Береженных, что помогала Лукерье по хозяйству у барина. Семену она нравилась – да так, что пребывала на сносях и вроде вот-вот должна родить. Зализа надеялся, мальчика – воспитает он из своего байстрюка⁵⁴ воина, будет кому порубежье оставить. Мелитина нравилась барину настолько, что когда домохозяйка намекнула, что может взять в помощницы молоденькую щекастую Младу из Еглизей, он отказался.

– Ладно, коли недужится, стерпим и без нее. Ну, угощай, Лукерья.

Женщина вытянула ухватом из печи корчагу, хорошенько взболтала в ней черпалом, поднимая со дна гущу, налила пахнущих дымом и тонкой лесной горчинкой грибных щей в большую ношву⁵⁵ – меньше после дальней дороги и предлагать соромно – поставила перед опричником. Зализа, перекрестившись, отломил от каравайя краюху ржаного хлеба и взялся за ложку.

– Удальцов своих завтра приведете, Семен Прокофьевич? – поинтересовалась Лукерья.

⁵³ Ноготь – единица, которая использовалась для определения незначительных расстояний и величин. Выражения «с ноготь», «на ноготь» употребляются в переносном значении «очень маленький», «незначительный». У рыбаков на озерах Волхов и Ильмень термин «ноготь» применялся для измерения ячей сети.

⁵⁴ Байстрюк – внебрачный ребенок.

⁵⁵ Ношва – большая миска в виде корытца

– Послезавтра, – покачал головой опричник. – Пусть Осип с Агарием дома немного перед нарядом побудут. После полудня тронемся, в поле переночуем, а послезавтра к вечеру вернемся. Не бойся, Лукерья, щи твои не пропадут.

После того, как Зализа выхлебал суп, домохозяйка столь же щедро сыпанула ему непривычно белой с крупными мясными кусками сорочинской каши, налила ковкаль⁵⁶ хмельного меду. Семен осоловел просто от обильной сытной еды, а запив это медом начал ощутимо клевать носом. Борясь со сном, он ушел в свою комнату, разделся до исподнего и забрался под теплое одеяло, на застеленный чистым прохладным полотном, пахнувший свежим сеном травяной тюфяк.

---

⁵⁶ Ковкаль – деревянная чаша

Колдовское племя

Проспал опричник на диво долго – и петухов не услышал, и солнце не ощутил. Впрочем, и не мудрено: почитай, четыре дня в седле провел. Хотел отдохнуть, пока бывшие черносотенцы⁵⁷ в засечном наряде, да тати волошинские все планы перепутали. Ну да ничего, все равно в дорогу раньше полудня он не собирался. Зализа поднялся, сладко потянулся, шурясь на пробивающиеся сквозь пергаментную пленку лучи, подобрал лежащую на полу саблю и вышел на крыльцо.

От вчерашнего ненастья не осталось и следа. На чистых бескрайних небесах ослепительно сверкало солнце, ни единое дуновение ветерка не колыхало воздух, от промокшей за ночь земли поднимался видимый простым взглядом пар. Петух, стерегущий пасущихся вокруг овина кур приподнялся на тонких красных лапах вытянул шею и, хлопая широкими коричневыми крыльями, хрипло закукарекал. Неподалеку низким долгим мычанием откликнулись коровы, донеслось конское ржание.

– Молодцы, – кивком принял отчет от своей живности опричник, сбежал по счастливым семи ступеням, у колодца разделся, снял крышку, уцепившись за длинную жердь «журавля», опустил кадушку в темную глубину. Услышав далекий всплеск, поднял наверх и решительно вылил себе на голову:

– А-ах, Пресвятая Богородица и семнадцать ангелов, хорошо!

Еще лучше бы было стопить баньку, но на это простое удовольствие у Зализы уже полторы недели не хватало времени. Подняв из колодца еще ведро, опричник вылил воду в почти опустевшее корыто – для скотины, положил крышку на место и пошел назад в дом.

– Портно⁵⁸ чистое дать, Семен Прокофьевич? – встретила его в дверях простоволосая Мелитина.

Зализа никак не мог привыкнуть к ее выпирающему вперед большому животу, но во всем остальном она ничуть не изменилась: слегка поддурманные щеки, длинная коса, округлые плечи, голубые глаза.

– Давай, – он отдал ей старое исподнее и, не удержавшись, провел ладонью по белой шее.

– Холодно! – испуганно пискнула девица.

Опричник только рассмеялся, уходя в свою комнату, немного попрыгал и помахал руками, разогревая кровь. Спустя минуту скрипнула дверь, Мелитина протянула чистое исподнее. Зализа взял одежду, положил ладонь ей на живот:

– Ну как?

– Брыкается, – смутилась девка. – Наружу просится. Стол накрыть, Семен Прокофьевич?

– Да засечники скоро прискачут. С ними и поем.

– Может, гычки?⁵⁹ с юшкой⁶⁰

– Это давай, это не еда, – махнул рукой опричник.

Наскоро перекусив, он присел на ступенях крыльца, тщательно проверил режущую кромку своей сабли. Потом взял тряпицу и старательно прошелся по пластинам юшмана, по шлему, по наручням, полируя металл до зеркального блеска. Этого неторопливого занятия

---

⁵⁷ Черносотенец – вооруженный представитель рабочего люда. Это не шутка: в старину городское население для учета делили на сотни. Поскольку большинство горожан были ремесленниками, «черными людьми», сотни, учитывающее население ремесленных слобод, назывались «черными сотнями», так же, как и снаряжаемые ими по военному призыву отряды.

⁵⁸ Портно – одежда.

⁵⁹ Гычка – салат из свежерубленой капусты

⁶⁰ Юшка – бульон

хватило как раз на два часа: как только опричник отложил доспех, издалека слышался дробный топот. Оба его воина торопились к воеводе, ведя в поводу заводных коней.

– Лукерья, стол накрывай! – крикнул в дом Зализа и пошел на лужок за полем ловить и седлать коней. Точнее, только одного – второй всегда шел за ним налегке. И только после этого пошел одеваться.

День обещал выдаться жарким, но – хочешь не хочешь, а без брони уходить на порубежье нельзя, если сеча случится, облачаться будет поздно; это только шлем быстро накинуть можно. Без плотного поддоспешника от юшмана толку мало, а потому поверх исподнего приходилось надевать рубаху из плотного войлока – и париться в ней днями напролет. По весне и осени такая одежда наоборот, хорошо грела, и опричник нередко радовался, что жребий занес его в Северную пустошь, где весна и осень занимали большую часть года.

За столом Зализа повел себя как настоящий боярин: для каждого из воинов была поставлена своя плошка, а опричник ел и вовсе из меденицы.⁶¹ Кмети,⁶² похоже, впервые в жизни видели сарацинское зерно, несколько кебелей,⁶³ которого опричник из интереса купил у афени из Почапа, а потому, с удовольствием умяв щи, к сорочинской ярмарке отнесли с немалым удивлением и подозрением. Вместо сыта Лукерья дала засечникам яблочко-клюквенную уху⁶⁴ ее же залила и в турсуки⁶⁵ на дорогу.

Что домохозяйка собрала ему в дорожный мешок, Зализа смотреть не стал – баба опытная, лишнего не кинет, ненужного не даст. Он проверил только оружие, которое, кроме пики, почти всегда находилось при нем, и взметнулся в седло.

Лукерия перекрестила всадников – Осип и Агарий низко поклонились ей прямо с коней, и маленький отряд углубился в начинающийся в одном гоне⁶⁶ от барского дома ельник.

До Тярлево до проскакали примерно за час. Этот спрятанный в глухой чащобе хутор, состоящий из единственной избышки, в которой вековал в одиночку старый бортник,⁶⁷ и ограничивал, согласно грамоте, земли Степана Зализы с севера. Опричник его и за деревню не считал, со стариком, про которого ходили самые темные слухи, ни разу не разговаривал. Выглядел бортник так, словно прожил уже не век, а все три, и должен со дня на день попросить разобрать над собой в избе угол – однако каждое лето он дважды трясущейся старческой походкой выбредал из леса, оставлял на крыльце барского дома братину с медом и уходил обратно.

– Эх, помрет бортник, и не станет на земле деревни Тярлево, – в который раз покачал головой Зализа. – А жаль. И деревни жаль, и меда, что отсюда приносят, тоже жаль.

Всадники поворотили коней налево – впереди в паре верст лежало очередное болото. Огибать его пришлось почти два часа, зато перейдя вброд безымянный ручей в косую сажень шириной, засечный отряд выбрался на обширный луг, заболачиваемый по весне и осени, но зато пересыхающий летом – скажи, не хочу! Через пару верст впереди зашелестели кронами березы, окаймляющие два мелких озерца. Проход между ними имелся только один, и отряд снова сбился вместе, втягиваясь на узкую тропу. За озером тропа раздваивалась: налево, на запад, уходила дорожка к Вилози и Инойлову, угодыям служилого боярина Михайлова, и дальше, вокруг болот, на Копорье; и направо, к камышовым берегам Невской губы, к богатым уткой протокам, а если дальше – но и к самой Неве, сквозь здешние комариные топи.

⁶¹ Меденица – металлическая посуда

⁶² Кметь – ратник, парень, земский воин. В общем, молодой нормальный человек, не раб, не крепостной, годный к воинской службе.

⁶³ Кебель – мера объема около литра

⁶⁴ Уха – так на Руси называлась любая похлебка не из мяса. Уха из яблок – яблочный компот.

⁶⁵ Турсук – кожаная фляга

⁶⁶ Гон – мера длины. Один гон, это 60 сажень. Примерно 100 метров.

⁶⁷ Бортник – пасечник или собиратель меда диких пчел

На самом росохе⁶⁸ у маленького бездымного костерка сидел на седле кудрявый рыжий воин в простенькой кольчуге с зеркалом⁶⁹ и вдумчиво, никуда не торопясь, обгрызал голубиные косточки. Птица явно была не первой, судя по количеству перьев и костей, рассыпанных по траве. Неподалеку два расседланных коня пощипывали травку, густо растущую в редком березняке.

– Ты что здесь, Феня? – удивился опричник, поглаживая ладонью шею коня.

– Василий вчера ввечеру ладью на той стороне губы видел, – воин спешно проглотил последние кусочки мяса, уцелевшие на ребрах, отбросил обглоданный скелет и вытер пальцы о траву. – Он к горловине Ижоры поскакал следить, а я к вам навстречу.

– Кто?

– На свенов похожи, – неуверенно предположил воин. – Голов десять торчало.

– Костер жгли?

– Толку-то? Темнело...

– Седлай своего гнедого, Феофан, – распорядился Зализа, спрыгивая на землю, – поехали.

Пока рыжий засечник собирался в дорогу, остальные немного размяли ноги, позволив лошадям пощипать травку, а затем все вместе устремились по ведущей к Неве неизменно влажной тропе. Верст через пять ручей, ставший немного шире, пришлось пересечь в обратном направлении, перевалить череду поросших низким ивняком холмов. Под копытами больше не чавкало, кустарник сменился березовыми рощами, перемежающимися с небольшими прогалинами. Широкой рысью отряд преодолел последние версты и вышел к Неве точно у устья Ижоры.

Василий Дворкин, так же, как и его напарник, предоставил коней самим себе, и валялся на невысоком берегу среди коричневатых колосков спелой травы. Он настолько расслабился, что скинул не только шлем, но и куяк.

Обернувшись на топот, он выплюнул недожеванную травинку и, недовольно морщась, поднялся.

– Пару часов назад они мимо прошли, Степан. Тринадцать голов, все при доспехах, две пищали. Кто такие, непонятно. То ли чудь, то ли жмудины, то ли свены. На литовцев.⁷⁰ озорующих непохожи – драные какие-то, нечесаные. Для корсаров ганзейских струг маловат. В Ладогу не войдут, новгородцы с Орехового острова их сразу на дно пустят. Мачта, опять же, съемная. Думаю, хотят они вверх по реке какой подняться, да селения встречные обхалить⁷¹ Ижору мимо прошли, дальше двинулись.

– Проводник был?

– На местных никто не похож, – покачал головой Василий. – Дайте коням отдохнуть, запарили совсем. Далеко против течения не уйдут.

Зализа послушно спустился с седла, мысленно гадая, куда сунется очередная шайка из разбойничьих западных земель. Выше по течению в Неву впадала Тесна. Речушка широкая, глубокая, для кораблевождения удобная. Но вот течет она через такие топи, что вода в ней черная, как деготь. Первая деревня на ней – аж в уделе боярина Харитона, и так далеко незваным гостям не подняться, терпения не хватит. Хорошо бы шайку понесло туда – тогда их можно

---

⁶⁸ Росох – раздвоении дороги.

⁶⁹ Зеркала – начиная с шестнадцатого века использовались на Руси для усиления кольчуги или панциря. Зеркала надевались поверх брони и в большинстве случаев состояли из четырех крупных пластин: передней, задней и двух боковых. Пластины, вес которых редко превышал 2 кг, соединялись между собой и скреплялись на плечах и боках ремнями с пряжками (наплечниками и нарамниками). Зерцало, отшлифованное и начищенное до зеркального блеска (отсюда и название доспеха), часто покрывалось позолотой, украшалось гравировкой и чеканкой. Полный зеркальный доспех состоял из шлема, зеркала, наручей и поножей, но в большинстве случаев воины ограничивались нагрудными пластинами.

⁷⁰ Литва – так в средние века называли современную Белоруссию.

⁷¹ Обхалить – ограбить.

просто подождать, а как покатятся вниз по течению, встретить острыми стрелами. Кто-то из татей, может, и уцелеет, но больше на порубежье не появится. Но если их понесет на Мгу... Тогда лихих людей надо ловить на ночлеге и брать на копье...

– Эх, пик-то с собой нет! – хлопнул себя по батарлыгу Зализа.

– Ништо, конями стопчем, – прижался лицом к морде своего гнедого Феофан. – Их всего чуть больше десятка.

– Ладно, седлай заводных, – решил опричник. – Скачем следом.

Река Ижора при впадении в Неву расширялась почти вдвое, но мелела раз в пять. По податливому песку, уложенному течением в длинные продольные волны, пятеро конников перебрались через нее и пустили коней в намет. Горловину Ижоры от Тесны отделяло всего шесть верст лесной тропы, ведущей по сухому, но изрытому оврагами берегу. Это заняло всего полтора часа пути – но к этому времени к невским берегам подкрались сумерки, медленно скрадывая дневной свет. Как ни хотелось Зализе продолжать погоню, но пришлось разрешить привал. Засечники расседлали коней, насыпали им в торбы ячменя, под склоном взгорка – чтобы не увидели с воды – развели костер.

Зализа стал разбирать свой мешок и обнаружил переложенных крапивой копченых лещей. Рыба пришлась как нельзя кстати – не пришлось тратить лишнего времени на жарку-варку. Лещей поделили на всех, запили яблочной ухой и, распределив очередь сторожи, улеглись спать.

Перед рассветом, в самые студеные минуты ночи и в пору самых сладких снов Зализу растолкал Осип, на этот раз одетый в толстый стеганный тегилай.⁷²

– Сеча, кажись, идет, воевода!

– Да ты чего? – оглядел безмятежно спящих товарищей опричник. – Где?

– Слушайте... – приподнял палец засечник.

Ночной воздух донес хлопки, похожие на очень далекие выстрелы из пищали, чьи-то более близкие крики.

– Может, струг какой на свенов наскочил?

– Ночью?

Послышались новые хлопки, и зализа решительно вскочил:

– Поднимай всех, седлаем коней. Может, на привале тати кого застали.

Воины действовали с привычной быстротой. Не прошло и получаса, как они переправились через глубокую холодную Тесну, доходящую коням выше стремян, и наметом помчались вперед. Там в чистой небо поднимался столб дыма, и теперь стало совершенно ясно – приблудившаяся из западных земель шайка жгла какую-то деревню. Отдохнувшие лошади шли ходко и скоро стало ясно, что дым поднимается где-то довольно далеко до Мги.

– Знаю! – вспомнил Зализа. – Есть там чухонское становище на два дома. Только в кого они там стреляли?..

Шум сечи давно стих, и задолго до становища опричник, прихватив с собой Агария, спешился и пошел вперед. Спустившись к самой воде, они пробрались через растущий по наволоку⁷³ густой кустарник к постоянно выкашиваемому чухонцами лугу и...

– Господь, заступник наш всемилостивейший, помилуй мя... – испуганно перекрестился дед. – Спаси, помилуй и сохрани грешного раба твоего Агария.

---

⁷² Тегилай – одежда в виде кафтана с короткими рукавами и с высоким стоячим воротником, подбитая ватой или пенькой и многократно насквозь простеганная. Тегилай обладал достаточными защитными качествами и носился вместо доспехов небогатыми ратниками. В этом случае тегилай делался из толстой материи и по груди мог обшиваться металлическими пластинками. Из шлемов тегилаю соответствовала «шапка бумажная», которая делалась на вате из сукна и шелковых тканей и иногда усиливалась кольчужной сетью, помещенной в подкладку. Иногда шапка снабжалась железным наносом.

⁷³ Наволок – заливной луг, пойма, низменный берег реки, затопляемый в период разлива.

Опричнику Зализе тоже очень хотелось перекреститься, но руки его внезапно онемели и не желали повиноваться своему владельцу.

А на поле перед дозором засечников стояло множество больших ярких кочек – синих, оранжевых, алых, желтых. Между ними бродили люди: некоторые в странных платьях, еще похожих на человеческие, но многие и вовсе непонятно в чем! Впервые в жизни стоящие на берегу русской реки ливонские шатры вызвали в опричнике не ненависть, а радость узнавания. Впрочем, помимо ливонцев и людей в странных платьях, на лугу мелькали и воины в родных русских доспехах.

– Это шабаш, воевода! – внезапно понял Агарий. – Ведьмы, колдуны... И ладья эта на шабаш плыла, колдуна какого везла. Это же чухонцы, воевода. Известное дело, колдуны они все, чародеи-нехристи. Шабаш затеяли. Бежать надо, воевода! Заметят – в котлов черных превратят, али в кабанов сальных. Сперва кататься станут, потом сожрут сырыми...

С этими словами старый воин начал потихоньку пятиться и пятиться – в какой-то момент его нервы не выдержали, и он кинулся бежать. Агарий мчался со всех ног, не разбирая дороги, проламываясь сквозь кустарник, начисто забыв, что всего в паре гонов его поджидает остальной отряд. Со всего хода он наскочил на свою лошадь, отлетел на пару шагов назад и плюхнулся на землю.

Спустя несколько секунд следом выскочил Зализа и с ходу несколько раз огрел деда плетью:

– Ты что ломишься?! Дороги не видишь?! Выдать нас хочешь?!

Агарий сжался, потихоньку приходя в себя, и испуганно напомнил:

– Так колдуны ведь...

– Что вы там узрели такое?

– Три десятка русских дружинников, полста ливонцев, и еще полтора ста незнамо кого... – Зализа покосился на деда. – На колдунов похожи...

– Откель здесь? – удивился Василий. – Только одна лодка мимо засеки проплыла!

– А может, остальные с Новгорода пришли? – подал голос Феофан. – О новой измене с ливонцами сговариваются?

– Тогда струги их с той стороны от стойбища чухонского, – сразу ухватился за первую правдоподобную мысль опричник. – Нужно обойти этот стан вкруг, посмотреть.

Зализа поднялся в седло, надел и тщательно застегнул шлем:

– Только таится надо с ревностью. Услышат нас – не одобровать.

Чухонцы ухитрились поставить свое стойбище чуть ли не на единственном окрест сухом месте, и огибать колдовской стан пришлось густо поросшим брусничкой рыхлым торфяником, в который ноги лошадей проваливались едва не до колен, но засечники прошли и приблизились к Неве кленовой рощей. Отсюда хорошо виднелся берег со странными разноцветными холмами, шатрами, крытыми шкурами шалашами. Однако на воде покачивалась одна-единственная маленькая ладья.

– Воевода, – шепотом окликнул Зализу Осип и указал в просвет между деревьев. Там по тропке с холма спускалось семеро... Даже непонятно кого: у первого все темно-синее платье распиралось по всему телу какими-то непонятными буграми: на руках, на груди, у живота, на ногах. Следом двигались невероятно тощие, хотя и на голову выше любого из засечников, девки в синих портах и тонких куцых душегреечках – таких куцых, что из-под них проглядывал голый живот. Двое парней оделись в одноцветный скоморошные костюмы, а самый последний постоянно выпускал изо рта сизый дымок.

– Колдуны, – часто-часто начал креститься Агарий.

– Никак к Ореховому острову потянулись, – прошептал Феофан.

Зализа облизнул сухие губы. К Ореховому острову означало: к новгородцам! Опричник тронул коня, рощей вышел на тропинку и, таясь, двинулся следом за чародеями.

Те двигались вперед, как зачарованные – не оглядываясь, не прислушиваясь к происходящему вокруг, не стремясь скрыть звук шагов. Зализа начал потихоньку сокращать расстояние, перестав бояться, что засечников заметят.

Отмахав немногим меньше двух верст, колдуны остановились на небольшой полянке, сгрудились кучей, и опричник увидел, как изо ртов у всех повалили дымы. Чухонские чародеи створили нечто непонятное, но наверняка – страшное и гнусное. Возможно, накладывали порчу на здешние воды и земли, на людей и правителей, изводили текущую по Святой Руси божью благодать. У Зализы остро засосало под ложечкой, страшной судорогой свело живот.

– Изводят, – понял он, сатанея от катящегося со стороны колдунов ужаса. – Детей и сестер наших изводят, жен и матерей.

Холодной, как колодезная вода, рукой, он сжал рукоять сабли и потянул ее из ножен.

– Руби их, – приказал опричник тихим, словно утренний туман, голосом, но его услышали все – и засечники почти одновременно кинули своих лошадей в стремительный галоп.

Ха! Ха! Ха! – весело мелькал клинок мчащегося первым Зализы, и Семен видел, что плоть колдовская такая же мягкая и податливая, как и у обычных людей, чародеи состоят из тех же мяса и костей. Промчавшись до конца поляны и уложив троих из них, опричник почти успокоился, развернул коня, увидел, как взметнулись клинки над последней уцелевшей девкой:

– Нет, не трож! – крикнул он, но слишком поздно – стальные клинки растерзали мягкую плоть, превратив ее в кровавое месиво.

– Эх, вы! – укоризненно покачал опричник головой, подъезжая к березе и вытирая саблю собранной в горсть листвой. – Полонянина ни одного не оставили! Кого про шабаш ныне спросить? Кого про связи с новгородцами пытаться?

– Так, воевода... – оглянулся за поддержкой на соратников Осип. – А кабы она сглаз положила?

– Так бы и сняла! – отрезал Зализа, и воины с облегчением рассмеялись.

Страх с души спал. Им удалось без труда порубить семерых колдунов: стало быть, и другие отнюдь не неуязвимы. Был бы клинок остер, да рука тверда – и никакое чародейство не поможет задумавшим крамолу предателем.

– Будет язык, Семен, – заверил опричника Василий. – Сегодня же и будет.

– Снова пал идет, воевода! – вытянул Осип руку в сторону колдовского стана. – Никак еще раз деревню жгут?

Зализа молча толкнул пятками коня и помчался к поднимающемуся в небо столбу дыма.

Совет мастеров

– Пожар!!!

Костя повернулся к реке, увидел как сразу несколько человек вытянули руки в сторону деревеньки. Над холмом плясали высокие языки пламени, поднимались густые черные клубы.

– От, блин, да что же там такое! – сплюнул Росин и побежал следом за Никитой, уже одолевшим половину пути от палатки.

Полыхал тот самый сарайчик, в котором милиционеры заперли задержанных – бандитов, что разгромили деревню. Один из патрульных безвольно валялся на земле, второй пытался его растряссти:

– Леха, вставай! Леха, чего тут случилось? Леха, это ты поджег? Леха, ты чего, пьяный, что ли?

Алексей Рубкин только постанывал в ответ, не открывая глаз, да иногда подергивал рукой.

– Что вы стоите?! – поднял милиционер глаза на сбежавшихся людей. – Туши те скорее! Там же арестованные!

– Да нет там уже никого, Стас, – покачал головой Немеровский. – Вон как пылает, не подойти.

– Да сделайте хоть что-нибудь!

Однако при всем желании никто не мог ни принести воды, ни попытаться растащить горящее строение – пожарных щитов в деревеньке не имелось, ведер поблизости видно не было, колонки или даже простого колодца никто поставить не удосужился. А жаркое пламя уже заканчивало пожирать свою добычу, заметно осев и частично рассыпавшись на скачущие по почерневшим стенам угольки.

– Мать моя женщина... – схватился за голову патрульный. – Сколько же их там было? Шестеро? Семеро? Ешкин кот... Все на меня повесят... Ты-то куда смотрел!

Он снова затряс своего напарника, но Рубкин никак не отреагировал даже на пощечины.

– Что вы тут столпились?! – неожиданно перенес милиционер свой гнев на собравшихся вокруг людей. – Все следы затопчите! Покиньте место происшествия! Немедленно!

Росин переглянулся с Немеровским, стрельнул глазами в сторону реки. Миша кивнул, и они стали пробираться в сторону бандитской лодки.

Здесь уже активно ковырялись трое ребят в черных шароварах и свободных серых рубахах – «берсерки» из «Глаза Одина».

– Ну, и чего нашли, викинги? – присел на корточки Росин.

– А, это ты, Костя? – повернулся на голос один из них, с длинным шрамом через весь бок. – Привет.

– Привет, Валентин, – кивнул мастер. – Чего нашли?

Валентина Хайретдинова, он же ярл вольной викингской дружины «Глаз Одина» Руг Хакан, Росин знал достаточно давно. Уже не раз сходились его разбойнички с витязями «Черного Шатуна» на разных фестивалях и ролевых играх – как впрочем, нередко они оказывались по одну сторону поля боя. Был он парнем заводным, легко поддающимся на разные авантюры начиная от банального «выпить» и вплоть до высадки на городском пляжи Луги с целью захвата пленных и «крещения» язычников. По всей видимости, именно такими и надлежало быть настоящим викингам. Судя по тому, что многие добытые буйными северянами сокровища археологи находили в глубинах норвежских болот – то есть, в местах, добыть откуда заныканный клад заведомо невозможно – грабили викинги не корысти ради, а чисто по причине природной непоседливости и чрезмерной гнусности характера.

Клуб «Глаз Одина» даже приступил к постройке своего собственного драккара по добытым в дебрях интернета чертежам, но дело пока двигалось медленно.

– Чья лодка разобрались, Валентин? – поинтересовался Костя.

– Кто-то хорошо постарался, мастер, – покачал головой «ярл». – Весь такелаж натуральный: пенька, конопля, парусина. Гвоздей тоже почти нет, все собрано на шипах. Да чего там гвозди: ни одного полиэтиленового пакета, или бутерброда в фольге нет нигде! В общем, не знаю, кого еще ты приглашал на фестиваль, но подготовились ребята на совесть. Завидую, меня на такую скрупулезность не хватает. Правда, тип суденышка непонятный. Драккаром не назовешь, для кога маловат, для новгородской ладьи тем более. Ботик какой-то, баркас с мачтой.

– Может, все-таки ушкуйники? – неуверенно предположил Росин. – Новгородцы сегодня утром должны были на съемки приехать. Ну, и эти... С хт-клуба. Только у них лодки стеклопластиковые, я видел.

– Какой там стеклопластик! Ты на это полюбуйся! – Валентин поднял со дна одну из пищалей и протянул Косте. – Натуральный кованый ствол! Это же сделать нужно постараться.

Росин принял тяжелое длинное ружье образца пятнадцатого-семнадцатого веком. Граненый ствол калибром миллиметров двадцать – большой палец влезает свободно. Грубо вытесанный приклад, запальное отверстие сверху. Никакого спускового механизма не имелось. Наверное, чтобы выстрелить, к затравке нужно подносить спичку. Для времени Александра Невского оружие, конечно, неподходящее. Однако штука вполне аутентичная, под пятнадцатый век сделана вполне аккуратно.

– А вот это посмотри... – «викинг» протянул мастеру бархатную куртку.

Росин подхватил ее – и чуть не выронил от неожиданной тяжести.

– Что это?

– Ты посмотри, посмотри...

Костя начал ощупывать бархат, с каждой минутой приходя во все большее и большее изумление: на кожаную толстую основу оказалось наклепано по типу «рыбной чешуи» множество толстых стальных пластин. Броню закрывал нарядный бархат, закрепленный с помощью большого количества заклепок из, как это называется в милицейских протоколах: «металла желтого цвета». Причем металл не потемнел и не позеленел не смотря на то, что куртка имела весьма поношенный вид.

– Да это же бригантина! – присвистнул Костя. – Или бриганта. По-разному называется.

– С золотыми заклепочками, – скромно добавил «викинг». – Как думаешь, сколько такая хрень стоит?

– Вот уж не знаю, – зачесал голову Росин. – Пятьсот лет назад на нее рублей пятьсот серебром отдали бы. А сейчас...

– Тысяч десять долларов, – предположил Немеровский. – А если окажется, что она века пятнадцатого, то и все сто.

– Хорошенькие штуки здесь на палубе валяются, – усмехнулся Валентин. – Хоть бы в газету завернули, что ли. Чай, как новый «Мерседес» «весит».

Костя задумчиво потер одну из заклепок пальцем. Бриганта, это не такая вещь, которая может попасть в чьи-то руки случайно. Пара таких хранится в Эрмитаже, еще десяток в других музеях. Возможно, что-то есть у частных коллекционеров. Трудно предположить, чтобы люди, изготовившие или купившие такой раритет, от нечего делать развлекались мелким разбоем и убийствами. Или, это «новые русские», уверенные, что смогут откупиться от любой уголовщины? Тоже бред: будет всякая уголовная шваль, так легко идущая на преступление, заботиться об аутентичности такелажа и оружия! Для исторического моделирования помимо денег и желания необходимо еще немалое знание и терпение. Просто «под настроение», ради минутной прихоти полное снаряжение с пищалями, палашами и доспехами не соберешь.

– А чего-нибудь еще вам на глаза не попадалось? – поинтересовался Костя.

– Было, – кивнул Валентин, сунул руку себе за пазуху и извлек три светло-желтых пергаментных листка, почти сплошь покрытых замысловатыми рунами.

Больше всего Росина удивили не сами руны – какой только кабалистики не повидумывали в наше время; и не то, что знаки шли сверху вниз – всякую тарабарщину поклонники Конанов и Толкиенов всегда любили записывать китайско-японским манером. Его поразило состояние пергаментных листков. Они казались совсем новыми, только-только выделанными из тонкой свиной кожи.

– Почему ты спрятал их себе на грудь, ярл Хакан? – с подозрением поинтересовался Костя.

– Да сам не знаю, – пожал плечами Валентин. – Что-то в них знакомое показалось. Хотел потом рассмотреть поподробнее.

– Они лежали отдельно?

– Да, в шкатулке, – неохотно признал «викинг». – Там еще какие-то тряпки валялись и несколько мелких монет.

– Угу, – кивнул Росин, перелистывая мягкие листки и неожиданно для самого себя вздрогнул, наткнувшись на знакомые очертания: Финский залив, Ладожское озеро и широкая изогнутая лента Невы. Примерно посередине оказался любовно вычерченный остров, напротив которого красовалась бурая клякса, странно похожая на высохшую каплю крови. Костя сложил непонятные записи и вернул «ярлу». – Пожалуй, ты прав. Спрячь их подальше.

С холма послышались сердитые крики, ругань. Милиционер яростно отгонял от деревни очередных любопытных, подошедших из лагеря.

– Можно подумать, содержимое этой лодки попало к нам напрямую из тысяча пятисотого года, – тихо произнес «викинг».

– Пошли завтракать, Валентин, – предложил Росин. – Потом обсудим.

«Палатка мастеров», красовались на темно-зеленом брезенте выклеенные медицинским лейкопластырем буквы. То ли Миша Немеровский вчера постарался, то ли поручил кому, и человек с утра выполнил возложенную на него обязанность. За складным столом —пластиковой столешницей на алюминиевых ножках – собралось девять человек. От «Ливонского креста» пришли одетый в длинный белый плащ с вышитым на спине огромным черным крестом «Великий магистр» Александр, бессменно руководивший клубом уже семь лет со своим законным в кирасу оруженосцем; от «Глаза Одина» – Валентин и незнакомым Росину паренек лет двадцати, от племени варау – вождь Длинное Перо и вождь Мягкая Лапа, знакомые всем присутствующим по предыдущим играм и, наконец, сам Росин с Мишей Немеровским. Именно в таком составе мастера клубов должны были обсуждать план инсценировки сегодняшней высадки шведского десанта и его последующего разгрома, договориться о дальнейшем проведении фестиваля. Девятым участником планерки оказался Никита Хомяк, который просто зашел вместе со всеми в палатку и устроился на краю деревянной скамьи.

– Ну, – прокашлялся Росин, – я оказался организатором всего нашего приключения, я первый и начну. Значит, сегодня после полудня сюда должны были подъехать ребята с телевидения. Вот... Утром должен был приплыть клуб «Ушкуйники» из Новгорода на своих лодках, и несколько лодок из Питера, из яхт-клуба. Вот... Короче, соседняя деревня Келыма пропала, а то, что от нее осталось, успели вырезать какие-то сволочи с палашами и пищалями. Шоссе, которое проходило вдоль луга пропало, садоводство, что было чуть дальше, тоже исчезло. Что еще? Телефоны все не работают, рации и радиоприемники тоже. Нет бакенов на реке, пропали дачи на том берегу, а поля заросли лесом. На острове тоже пропали застройки и появился лес. Такие вот пироги...

– Что значит, «вырезали»? – переспросил «Великий магистр».

– Не «по-игровому», – мрачно ответил Росин. – Детям животы вспороли, взрослым головы отрезали. По-настоящему вырезали, к следующему «циклу» не оживут.

– От, блин, – округлил глаза оруженосец. – Так вот почему менты нас туда не пускали... А кто вырезал? Откуда взялись?

– Кто, не знаю, – пожал плечами Костя. – Ночью на баркасе каком-то приплыли, вылезли прямо у деревни и устроили себе развлекуху. С-суки... Детей малых, как поросят...

– Может, чеченцы? – предположил Мягкая Лапа. – Они могут.

Одетые в кожаные штаны и рубахи, без аляпистых перьев на голове, с одними только узкими лентами, удерживающими волосы, индейцы выглядели единственными нормальными людьми среди закованных в доспехи и вооруженных мечами, топорами и кистенями придурков. И рассуждения у них были нормальные, естественные.

– В Чечне их прищучили, вот они сюда и явились, – добавил Длинное Перо. – Попугать нас решили.

– Будь они в бронежилетах и с ножами, – покачал головой Росин, – я бы еще поверил. Но ведь они в «железе» и с палашами приперлись!

– А может, татары? – предположил ливонский оруженосец.

– Ты татар не трожь! – моментально вскинулся «викинг» по фамилии Хайретдинов. – Мы такого никогда не делали!

– Успокойся, Валентин, – усталым голосом попросил Росин. – Он все еще думает, что это игра. И мертвецы игровые.

– «Татары», – презрительно хмыкнул «ярл». – Ваши хваленые рыцари младенцев на пики нанизывали и послам языки рвали, когда мы уже триста лет как дипломатическую неприкосновенность изобрели.⁷⁴ Дикари.

– А кто скорбным вестникам приказывал головы отрубать?⁷⁵

– А кто животы мирным жителям вспарывал, чтобы проглоченные сокровища найти?⁷⁶

– Хватит вам, историки! – повысил голос Росин. – Нашли чем хвастаться. Скажите лучше, чего нам сейчас делать?

– А чего сейчас? – пожал плечами оруженосец. – Подождем телевизионщиков, да и устроим им бучу «под камеру».

– Ты чего, дальтоник? – не выдержал Немеровский. – Тебе только что сказали: шоссе Кировского больше не существует!

– Ну-у... Дорога-то какая-нибудь должна остаться?

– Болото там вместо дороги, – вздохнул Росин. – Нету ничего. Даже тропинки никакой нет.

– Тропинка, положим, есть, – поправил его Длинное Перо. – Как раз там, где шоссе лежало. От патрульного «УАЗика» начинается и вдоль кустарника идет.

– А я, вроде, не видел, – неуверенно попытался вспомнить Костя. – Трава, и все.

– Малохоженная тропка, – повторил индеец. – На звериную тропу похожа.

– Я думаю, – подал голос Валентин, – нужно переправиться через Неву, и посмотреть на той стороне. Может, там дорога уцелела. Подняться немного вверх по реке, или вниз. Может, бакены и навигационные знаки только здесь смыло.

– На чем?

---

⁷⁴ Считается, что дипломатическую неприкосновенность изобрел Чингиз-хан.

⁷⁵ Отрубать головы «скорбным вестникам» – одно время в странах пресыщенного Востока бытовал обычай казнить гонцов, привозивших дурные новости.

⁷⁶ Вспарывать животы мирным жителям, чтобы найти проглоченные сокровища – деяние широко известного Ричарда Львиное Сердце. После взятия одной из сарацинских крепостей он приказал вспороть трем тысячам пленников животы, чтобы проверить: а не проглотили ли они какие-нибудь драгоценности?

– Да на баркасе разбойничьем. Весла там есть, парус и мачта на месте. Управиться я, наверное, смогу, на яхте плавал. «Права», правда, получить не успел. Менты встретятся – оштрафовать могут.

– Скажешь, у нас раненые и им нужна помощь, – отмахнулся мастер. – Давайте так, мужики: для начала попытаемся просто осмотреться. Клуб «Глаз Одина» на баркасе переправится на тот берег, и посмотрит, что происходит там. Индейцы, если вожди не возражают, пройдутся по этой стороне и попытаются найти дорогу, тропинки или признаки близкого жилья. Подозреваю, что мы или ливонцы половину заметных для индейца примет прохлопаем. Ну, а мы обеспечим горячий обед и будем ждать результатов. Или есть другие предложения?

– Вечно бледнолицые норовят сесть нам на шею, – пробормотал Мягкая Лапа, поднимаясь из-за стола. – Ладно, мы проведем разведку. От ваших глаз действительно мало толку. Но пусть тогда ваши клубы заготовят дрова для вигвамов.

– Ну что, Магистр, договорились? – перевел взгляд на Александра мастер.

– Ладно, заготовим, – согласился ливонец.

– Тогда соберемся снова сразу после обеда, – хлопнул ладонями по столу Росин. – Может, к тому времени что-нибудь и выяснится.

Станислав Погожин сидел рядом с тихо посапывающим Рубкиным и пытался представить себе, во что для него выльется вся творящаяся вокруг чертовщина. Ну, то, что психи с мечами вырезали местную деревню, это он не при чем. Здесь был старший наряда, он пусть и отдувается. А вот то, как всех задержанных в сарае спалили... Это уже при нем. Хотя, конечно, ему Степа приказал только не допускать на место происшествия посторонних. Он и не допускал. Вот только кто тогда усыпил Леху и поджег сарай?..

Погожин вздохнул. Когда начнут искать крайних, отмазаться вряд ли удастся. Древний закон любой службы гласит: чем тяжелее происшествие, тем больше должно быть наказанных. Шесть или семь сгоревших означает, что под расследование попадет весь наряд, плюс еще майору Тишкину неполное служебное объявят, да еще в управлении кому-нибудь по взысканию повесят. Ну а их... Под суд, наверное, не отдадут, но из «органов» выпрут наверняка.

Погожин вздохнул снова. Не то, чтобы он очень любил свою службу, но здесь он уже привык, приспособился, надеялся на скорое повышение. А куда сейчас безработному податься?

– Куда претесь?! – вскочил он, и решительно махнул рукой на пару очередных любопытных, поднимающихся на холм. – Сюда нельзя! Уходите немедленно!

Парень с девушкой послушно развернулись, а Станислав пошел к кустам: служба службой, а организм требует свое. «Слив воду», он застегнул ширинку, оправил форменную рубашку – и тут его голова едва не раскололась от страшного удара.

Сознание возвращалось медленно – и это оказалось большой удачей. Погожин понял, что связан еще до того, как успел издать рвущийся из груди стон или пошевелиться. Патрульный сдержался, сохраняя позу эмбриона и прислушиваясь к происходящему вокруг. А не произошло, собственно, ничего: сухо потрескивал костер, да деловито напева что-то мужской голос.

Станислав осторожно приоткрыл веки правого глаза. Сквозь щелку он смог рассмотреть сидящего на круглом щите мужчину в грубых высоких сапогах, одетого в ярко начищенный сверкающий доспех.

«О, Боже! – мысленно взмолился милиционер, закрыв глаз. – Пройти две чеченские командировки без единой царапины, и попасться в плен каким-то психам в двух шагах от собственного дома! За что?!».

Послышалось призывное ржание – в ответ неподалеку заржали еще лошади. Патрульный различил чавканье от множества приближающихся шагов и остро ощутил, как намокают от влажной земли рукав рубашки и правая штанина.

– Пошто ты здесь, Осип?

– Пару колдунов поймали, воевода! Василий с полоняниками послал.

– Прости мя Господи и помилуй. Обереги, береги с них срежь немедля! Зачаруют чухонцы, взоры отведут, морок нашьют... Прости мя, Господи, от нелюди проклятушей!

Погожин подумал, что сейчас явно смотрят не на него и слегка приоткрыл глаза. Неподалеку гарцевал на сером коне молодой парень в белой рубахе. На миг милиционер понадеялся, что хоть этот нормальный – конь повернулся, и стала видна сабля у него на ремне, продолговатый щит и подвязанный к седлу шлем.

Мужчина продолжал сидеть на щите, задумчиво пощипывая короткую черную бородку, а испуганно причитал дедок лет пятидесяти, тоже наряженный в кольчугу с металлическими полосами на груди и с мечом на боку. Беспокойство у старика вызывали двое хиппи со связанными за спиной руками. Жмущиеся друг к другу, с длинными, кое-как подвязанными патлами, увешанные множеством цветных кисточек, брелков, бисерных ленточек, амулетиков и еще каких-то мулек, они и вправду напоминали каких-то странных дикарских шаманов.

– Срежь, – распорядился мужчина.

Парень соскочил с коня, вынул засапожный нож и принялся деловито «чистить» пленников. Падающие на траву разнообразные украшения дед торопливо сметал к небольшому костерку еловой веткой.

– Волосы, волосы, – тихо напомнил он. – Ибо: «бритва не касалась головы моей⁷⁷».

Осип усмехнулся и несколькими решительными движениями обкорнал хиппи их патлы. После того, как пучки волос затрещали в огне старик наконец-то успокоился и продолжил свежевать тушку небольшой косули.

– Подсоби, – мужчина со щита поднялся, подтолкнул одного из хиппи к березке и споро привязал тонким ремешком.

Затем парень сбил с ног второго хиппи, быстрым движением скрутил ему ноги. Выпрямился, явно довольный собой.

– Хорошо, ступай, – разрешил мужчина.

Парень ловко запрыгнул в седло, погнал коня в лес. Погожин проводил его взглядом и заметил неподалеку еще нескольких пасущихся лошадей.

Тем временем мужчина, явно бывший старшим в банде психов, подошел к привязанному к дереву хиппи, внимательно посмотрел тому в глаза:

– Откель ты, чародей?

– Что вам от меня нужно? – неуютственно повел хиппи плечами. – Кто вы такой?

– Засечник здешний, – снизошел до ответа мужчина. Имени, правда, не назвал. Станислав воспользовался тем, что на него никто не смотрит, и немного распрямил тело, меняя неудобную позу.

– Как твое имя, человеке? – продолжил допрос главный псих.

– Гена... Евгений я... Сладков... – запинаясь, ответил хиппи.

– Из каких земель?

– Здешний я, питерский. То есть, из города Санкт-Петербурга, улица Софьи Ковалевской, дом двести сорок, квартира с-сто шестьдесят третья.

– Никак ганзеец? – удивился от костра старик. – А брешет по нашему знатно.

– Санктпертербург, – задумчиво повторил мужчина. – Не помню такого города. Может, франкского племени лазутчик? Или ливонцы новую крепость учинили? Где город твой? – снова обратился он к хиппи. – За морем он, или за окяном?

---

⁷⁷ «Бритва не касалась головы моей» – цитата из популярнейшей книги средневековой Руси «Ветхого Завета», книга «Судьи» Глава 11. Жители земли русской в шестнадцатом веке ухитрялись не просто цитировать Библию, но и составлять целые письма из одних цитат. И, что интересно, понимали друг друга.

– Так... Здесь же, – дернулся пленник. – Т-тут он.

– Колдовское место кличет, воевода, – перекрестился дед. – Может, подземных бесов он соседом был. Ты, на груди у него посмотри, воевода. Может, ладанка там есть, али амулетка заговоренная.

Мужчина взялся за ворот темно-синего бадлона, рванул к себе, разодрав его до пояса. По костлявой груди хиппи побежали крупные, издали заметные мурашки. На шее пленника, на тонких коричневых веревочках, болталось сразу несколько амулетиков. Воин сгреб их все, рванул, поднес к лицу, с интересом осмотрел покрытый изящной вязью зеленый деревенский кругляшек. На губах его расплылась улыбка понимания:

– Сараци-ин... Откель на берегах Невы, чужеземец? – связку побрякушек мужчина поднес к самым глазам ничего не понимающего паренька. – Какой извет замыслили?

– Не-не-не... – чувствуя неладное замотал головой хиппи. – Э-ю-эт-то сь-сю-юуф-ф-фи-и-ю по-одар-рили.

– А бает по-нашему, – поддакнул дед. – Видать, нашей грамоте его учили.

– Кто тебя приветил, чародей? Кто на Неву привел? – пальцы воина крепко сдавили горло хиппи. – Новгородцы?

– Н-нет... Не я... – прохрипел в ответ пленник.

– Кто, говори?! На государя извет замыслили?! Новагорода бояре?

– Нет, ничего! Мы только так. Травку покурили, с чуваками железными потусовались.

– На кого траву воскуривали?! – еще больше взбеленился закованный в латы псих. – Какой извет творили?! Кто привел, кто место указал?!

– Не знаю, – испугался хиппи. – Ничего не знаю!

– Новгородцы? Бояре Новагорода? Посадник? Кто?!

– Не-е... – отчаянно пытался угадать нужный ответ хиппи. – Я сам. Я один. Случайно.

– Один? – удивился столь наглой лжи воин, и отступил в сторонку: – Агарий, лапой его погладь.

Дед вытащил из-под себя еловую лапу – сидел он на целой охапке, сунул в костер, дал огню затрещать смолистыми иголками, после чего торопливо поднялся и мелкими движениями, словно охаживая приятеля веником в парной, прошелся горячей веткой хиппи по груди. У того едва глаза на лоб не вылезли. От боли он даже закричать толком не смог, издав всего лишь какой-то хрип.

– Ну, знаешь новгородцев? Кто на Неву тебя вывел? Кто в Северную пустошь привел? Кто крамолу измыслил?

Хиппи тяжело дышал широко раскрытым ртом.

– Отвечай! – воин безжалостно хлестнул плетью по обожженной груди.

– Не-ет!!! – наконец-то смог завопить пленник. – Нет, не знаю никого! Никого не знаю! Не надо больше! Не-ет...

– А кто вывел тебя сюда? Как? Колдовством прельстил? – мужчина еще раз ударил пленника. – Кто? Имя назови!

– Я-я! – заплакал хиппи. – Не знаю я-я...

– Новгородцы вывели? Имя назови! Агарий, пройди еще лапой.

Пленник начал орать так, что у Погожина заложило уши.

– Отвечай, милай, – ласково посоветовал дед, потряхивая на груди хиппи горящую еловую лапу. – В допросную избу привезут, там жалеть уже не станут. Там больно тебе станет, там енто умеють.

– Имя назови! – потребовал воин, отстраняя старика. – Кто из новгородцев измыслил государя чародейством свести?

– Не знаю, – в голос заплакал хиппи. – Никого не знаю...

– Воевода, – окликнул главного психа старик. – А как, поежели не бояре из Новгорода извет задумали? Поежели иной боярин тутошний? Чародеев почто на Неве спрятали, в пустоши Северной? Неужели вкруг Новгорода чащоб тайных нет?

Воин начал задумчиво покусывать губу, глядя то на старика, то на пленника.

– Колдунов мы посекали не в болотах, – покачал он головой. – Колдуны к Ореховому острову шли, к новгородцам.

– Потому и шли, – кивнул дед. – Хотели договор учинить.

– Так, чародей? – поднял взгляд на хиппи мужчина.

Тот немедленно закивал, опасливо косясь на плеть.

– Кто ж тогда? – удивился воин. – У нас в пустоши боярского рода всего пара дворов будет. Никак боярин Волошин тихо под государя крамолу готовит? Знаешь Волошина, чародей? – круто повернулся он к пленнику.

Хиппи опять торопливо закивал.

– Вот, стало быть, каков служилый боярин! – облизнул губы воин. – Вот пошто дела засечные такой интерес вызывали у Харитона. Правду говоришь, сарацин?

Воин рукоятью плети подцепил пленника под подбородок и внимательно заглянул ему в глаза.

– Вроде, поспело мясо, воевода, – выпрямился у костра старик. – Готово.

Воин передвинул щит ближе к огню, уселся на него. Теперь Погожин ничего не видел, а слышал только чавканье. Во рту патрульного появилась слюна, в желудке заурчало.

– Допросные листы снять надо, Агарий, – деловито вспомнил мужчина. – И не токмо с чародея сарацинского, а со всех. Особо узнать, какую крамолу затеали, кто из бояр хотел государя известить, как новгородцы помогали. Не может такого случиться: измена государю на севере, а новгородцы в стороне спят. А, чародей? Новгород видел? С боярами говорил?

Хиппи промолчал, и воину это не понравилось:

– Ну-ка, Агарий, пошевели его лапой...

Под березовыми кронами раскатился новый истошный крик, мгновенно оборвался.

– Никак, воевода, помер сарацин?

– Да ты что, Агарий?! Почему?!

«Болевой шок, идиоты! – закрыл на всякий случай глаза Станислав. – Довели парня, уроды, своими играми. Будет вам теперь статья лет по двадцать каждому».

– Я его пощекотал слегка лапой, воевода. Чисто испуга ради. А он и повис.

– Сарацин от лапы издох? Да у меня под Казанью один татарин полдня зубами копьё грыз, вырвать из брюха хотел! Только перед сном дорезали. А тут – от простой лапы помер?

– Может, заговор порушился? Ладанки-то его все пожгли! Огонь любую силу колдовскую своей чистотой истребляет.

– Ладно, Агарий,пусти его. Этих двоих не трожь, амулеты им оставь. Их надлежит в допросную избу доставить и листы полные снять. Я засечников обедать сейчас пришлю, ты пока обожди.

Услышав удаляющиеся шаги, Погожин открыл глаза. Главный псих уже ставил ногу в стремя коричнево-рыжего коня. Спустя секунду он оказался в седле и погнал скакуна по болотному торфянику.

Станислав глубоко вздохнул, заворочался, разминаясь, несколько раз выгнулся дугой, посеменил ногами в воздухе.

– А ну, не балуй! – прикрикнул на него старик.

Милиционер продолжал дрыгать ногами, раскачиваться с боку на бок. Он даже начал негромко напевать.

– Щас я тебя! – угрожающе предупредил дед, поднимаясь на ноги и подходя ближе.

– Х-ха! – Погожин резко распрямил ноги, и каблук правого тяжелого форменного ботинка четко впечатался старику в подбородок. Не ожидавший подобной подлости сторож изогнулся дугой и рухнул на спину.

– Что вы делаете?! – испуганно прикрикнул второй хиппи, валяющийся неподалеку. – Он же очнется, нас вовсе убьет!

Патрульный тем временем присел спиной с деду, нащупал рукоять меча на поясе, выпрямился, вытаскивая оружие из ножен, отошел к ближайшему дереву, с силой вогнал его в землю чуть не на всю длину, нажал, опирая рукоятью в ствол и принялся торопливо перепиливать ремни. Спустя секунду руки разошлись в стороны. Погожин застонал от наслаждения, pokrutil ими в воздухе, возвращая чувствительность, потом выдернул меч из земли, подошел к обвисшему на стволе парню, перерезал путы. Тело безвольно рухнуло вниз. Станислав почувствовал ему пульс, разочарованно покачал головой, повернулся ко второму хиппи.

– Не подходите ко мне! – попятился тот. – Не нужно!

– Идиот, я тебя развязать хочу!

– Не надо! Хотите, чтобы меня тут тоже до смерти замучили?! Нет! Не хочу!

– Бежим отсюда, кретин!

– Они догонят... Они на лошадях, я знаю. Они сейчас прискачут и вам за этого дедушку до смерти избыют! Отойдите от меня!

Дед шевельнулся в высокой тонколистой траве и застонал. Погожин шагнул к нему, занес клинок и... И опустил оружие. Убить беспомощного человека он не мог даже после всего того, что только что увидел. А арестовать... Сейчас прискачут обедать некие «засечники», и еще неизвестно, кто кого арестует.

– Ну, уходим? – в последний раз предложил он связанному хиппи.

– Не пойду!

Погожин наклонился над стариком, расстегнул на нем пояс, снял ножны меча, повесил себе на ремень и торопливо двинулся в сторону, противоположную той, в которую усекал командир психов. Сейчас главное уйти от опасности, отсидеться. А уж потом он про все доложит, сообщит приметы... Найдут субчиков, никуда они не денутся.

Позади оставалась широкая полоса примятой травы и глубокие выемки от ног, и патрульный старался двигаться как можно быстрее. Единственным его шансом уйти от погони было время. Чем дальше успеет уйти, тем больше шансов запутать следы. Между тем с каждым шагом ноги проваливались все глубже, в сапогах чавкало от набравшейся воды.

– Ничего, ничего! – подбодрил себя Станислав. – Они конные, им тут и подавно не пройти. Лошадь тут по брюхо провалится.

Впрочем, вскоре он сам стал проваливаться в болотную жижу почти по пояс. Погожина это не остановило: он лег на живот и пополз дальше. Далеко позади послышались призывные и угрожающие крики, тревожное конское ржание. Постовой оглядываться не стал, и вскоре все стихло.

Призыв Великого Духа

Ритмичный звук деревянного бубна, стуки в который подхватывало еще несколько небольших барабанов, привлек к себе внимание всех обитателей прибрежного луга. Но седовласой женщине лет тридцати казалось, совершенно безразличны взгляды окружающих. Она кружилась на прогалине между двух вигвамов, вздымая подол длинной тряпочной юбки, выстукивая разрисованную странными рунами кожу бубна и не забывая подбрасывать в воздух привязанные на длинные шнурки амулеты. В однообразных ударах так же таился свой сакральный смысл – не нарушая ритма, колдунья наносила удары не просто по натянутой коже бубна, а по разным рисункам, внимательно прислушиваясь, чем они откликаются, и то замедляя, то ускоряя вращение.

В конце концов юбка захлестнула ноги колдуньи, и она со всего размаха рухнула оземь – бубен, подпрыгивая, покатился к ближайшему вигваму и юркнул под приоткрытый полог. Вождь Длинное Перо выждал несколько минут, затем вышел из толпы соплеменников и присел рядом с женщиной. Та принялась негромко нашептывать ему в ухо. Вождь кивнул, поднялся и степенной походкой направился к палатке мастеров.

Его ничуть не смутило, что здесь никого не было. Он сел за стол на свое утреннее место и замер. Рядом с ним опустился на скамью Мягкая Лапа. Спустя минуту напротив обосновались Костя и Немеровский, потом подошли вместе «ярл» викингов и «Великий магистр» ливонцев.

– Это мертвая земля, – разорвал молчание Длинное Перо. – Старая Лиса разговаривала с духами, и они сказали ей, что здесь нельзя оставаться. Они сказали, что Великий Отец призвал варау к истокам своим, завещал им блюсти родовые земли и могилы предков. Завтра с первыми лучами Солнца мы уйдем отсюда и двинемся к своим землям.

– Куда? – моментально отреагировал Росин.

Длинное перо махнул рукой вниз по течению Невы.

– Вы нашли дорогу?

– В этом мире нет дорог в понимании бледнолицых, – покачал головой индеец. – Мы нашли много следов кованых копыт вокруг стойбища. Злые духи рыщут вокруг и жаждут человеческой крови. Двое наших детей уже нашли последний приют у домов на холме, семеро ваших друзей мертвыми лежат на тропе, идущей вверх по реке. Мертвы все те, кто жил в деревне, и кто пришел за их жизнями. Вы выбрали для своего праздника проклятое место, и теперь все мы будем расплачиваться за это.

– Ты хочешь сказать... – запнулся Росин. – Ты хочешь сказать, что все те, кто ушел утром в Кировск... Что их убили?

– Да, – кивнул индеец. – Они ушли из нашего мира. Хотя... Хотя все мы тоже ушли из него.

– Значит, это другой мир? – понял Росин.

– И очень плохой. Единственное место, где может пройти человек: это тропа вдоль берега. С одной стороны от нее вода, с другой болото. Здесь негде охотиться, не на кого ставить капканы. Здесь нет дров, потому, что старые деревья гниют на корню, а сухие ветви падают в болото, и сразу намокают. Если племя останется здесь еще хоть на день, мы начнем голодать.

– Ну, деревня на холме, положим, жила и не тужила.

– Варау не рыбаки, – гордо вскинул подбородок Длинное Перо. – Варау не ползает по воде, подобно лягушкам, и не хватает холодную скользкую рыбу. Варау – охотники. Вы можете поступать как хотите, бледнолицые, но наше племя завтра уйдет.

Индейцы поднялись со скамьи и вместе покинули палатку.

– Они что, взаправду себя индейцами считают? – хмыкнул оруженосец «Великого магистра».

– В лесных дебрях, где мы очутились, – ответил ему Валентин. – Лучше считать себя индейцем, а не археологом. Больше шансов дожить до старости. Кстати, на том берегу тоже нет ни дач, ни дорог. Пара лесистых холмиков, а между ними – болото.

– И хиппи все пропали, – добавил от себя Немеровский.

– Они-то тут причем? – не понял «викинг».

– Хиппи, это такие существа, которые появляются там, где есть тепло, сытость и всякая «халява». А там, где кисло, рискованно и работать надо – их нет никогда. Когда хиппи пропадают из лагеря, это как крысы с собранными чемоданами полным составом с корабля улепечиваются. Думаю, индеец прав. Валить нам нужно отсюда. Поставим лагерь в более сухом месте, а уж потом разбираться станем, что случилось.

– А полевые кухни? Автобус, лавки, рекламные плакаты твои, опять же, – напомнил Росин. – Они ведь по тропинке не пройдут!

– И мой джип, – кивнул Миша. – Тоже не пройдет. Я его закрою и поставлю на сигнализацию. А может, и не поставлю: ну кто его отсюда угонит? Если удастся понять, что вокруг происходит, потом за всем этим бараклом вернемся. Не получится: что же теперь, умирать из-за него? Меня куда больше беспокоит, что мы жрать станем, когда последние два мешка с крупой закончатся? И тушенки всего десять банок осталось.

– Дня на три растянуть получится? – повернул к нему голову Костя.

– Получится, мастер, – кивнул Немеровский. – Урежу немного пайки, и все. У всех кое-какие заготовки есть, вот пусть и вытаскивают.

– Тогда я предлагаю двигаться в сторону Питера. Город огромный, бесследно исчезнуть не мог. Хотя что-то должно остаться. Может, удастся хоть что-то понять в происходящем.

– А Кировск? – скромно напомнил Валентин. – Опять же Петрокрепость неподалеку.

– Что случилось с предыдущими любопытными, ты забыл? – поднял брови Немеровский.

– Зачем по тропам лесным ползать? – независимо пожал плечами «ярл». – Лодка же есть!

– Это мысль, – согласился Росин. – Только ночью никуда плыть не надо. Давайте сделаем так: утром дружина викингов уходит в сторону Ладожского озера, а мы по тропе потянемся в сторону Санкт-Петербурга. Вы с местными городками все уясните, а потом вниз по течению нас догоните. Договорились?

– Заметано.

– Вот только на ночь нужно выставить охрану. И предупредите мужиков, что все это серьезно, кто-то вокруг нас натуральным бандитством занимается. У вас в ордене есть ребята, что через «горячие точки» прошли? – поинтересовался Росин у Александра.

«Великий магистр» кивнул.

– Вот их и поставьте. А то в баловство превратят. И мы своих тоже настропалим.

– А может это все сон? – неожиданно предположил оруженосец. – Проснемся завтра, и все будет в порядке.

– Ну так просыпайся скорее! – неожиданно рыкнул Немеровский. – Надоело уже!

Над наволоком потянуло густым и пряным мясным духом. Зализа, хотя и был сыт, невольно сглотнул слюну. Нет, непохоже, чтобы колдуны заморские сушеными лягушками да вареными мухоморами питались. Нормальную мясную кашу стряпают.

Впрочем, колдунов во вражеском стане оказалось не так много, как мерещилось поначалу. В большинстве на берег Невы высадились все-таки ратники. Частью в нормальных, частью в ливонских доспехах, многие вовсе бездоспешные. Чародеев в странных цветных платьях, колдуний опричник насчитал не более пары десятков. Еще по лугу разгуливало несколько нормальных русских баб и столько же невест откуда взявшихся ганзейских горожанок – Степан несколько раз видел таких во Пскове да Ивангороде. Может, чародеев и было всего десяток другой? Да милостью Божией сразу все под клинок и попались.

Двое бездоспешных воинов – вполне нормального вида, в кожаных рубахах, украшенных мелко нарезанными ленточками, в кожаных портах и простеньких поршнях,⁷⁸ с короткими ножами и крохотными топориками на поясах, взяли луки и направились в кустарник прямо на опричника. Зализа притаился под низкими ветвями шиповника и положил руку на рукоять сабли, но его не заметили. Беспечность пришельцев на чужой земле Семена просто поражала: ни стражи, ни «секретов» на тропах, ни караульных разъездов вокруг стана. Может, на заговоры чародейские понадеялись?

Будь у Зализы вместо пяти засечников хотя бы полусотня, он уже сыграл атаку, повел конников вперед, стоптал бы пришельцев и вырубил всех до единого. А кто уцелеет: в Разбойный приказ отправил бы – им для допроса, себе для славы. Но с пятью всадниками такого не сотворишь: Семен насчитал в лагере восемь десятков латников, десяток вооруженных мечами и щитами мужчин, постоянно катающихся на лодке, еще три десятка бездоспешных и безоружных смердов у странных, собранных из жердей шатров. Все как на подбор: росту едва не наголову выше любого из засечников, плечистые, загорелые. Смердов опричник принял бы за мирное кочевое племя, если бы не один странный момент – у них в стойбище не бегало, не плакало, не играло ни одного дитя. Ну, еще на наволоке бродило почти полсотни баб и полтора десятка колдунов.

Опричник не знал, какую гадость могут учинить колдуны, но на что способна кованая сотня судовой рати⁷⁹ понимал. Он лихорадочно прикидывал в уме, что можно успеть сделать. Ополчить ближайших помещиков? Перечить государеву человеку никто не рискнет, за пару дней собраться успеют. Два десятка конных приведет служилый боярин Харитон, еще десяток боярин Латошин, семерых обязан посадить на коней служилый боярин Батов, пяток всадников поднимет сосед, волостник князя Шуйского Иванов, двоих – волостник Мурат. Полсотни набрать можно – но на скорую руку собранным ополчением вдвое превосходящее войско бить бесполезно. Просить помощи у воеводы Кошкина из Копорья? У него кованной конницы нет. В Гдове тоже нет. Во Пскове этим годом мор прошел. Безлюдить порубежный Ивангород ради истребления далекой ливонской шайки воевода Шелепин не станет. Просить дружину из Новгорода? Так они со своим вече неделю гадать станут, посылать – не посылать, надо – не надо. Могут и не дать – те еще скобари. Опять же, нужно знать, в каком месте рать собирать. Если на лугах у Ижоры – уйти могут изменщики государевы, гонись за ними потом. Знать бы, куда пойдут... Вот тогда и помещиков можно исполчить, и не гнаться за гостями названными, а встретить их по достоинству. Пришельцы пешие, обогнать их труда не составит.

– Вот о чем колдун спрос держать должен, – укорил себя опричник. – А изменщика, что иноземцев на Неву вывел, то потом узнаем.

Он осторожно попятился, стараясь не колыхнуть даже ветки, в десятке шагов поднялся на ноги, опоясался ремнем – лежа в схроне, опричник держал оружие рядом с собой, на земле. Впереди промелькнула неясная тень – Семен схватился за саблю, но узнав Осипа, с облегчением расслабился.

– Воевода, Агарий полонянина упустил! – торопливо прошептал засечник.

– Что-о?!

⁷⁸ Поршни – это обувь, сшитая из единого куска сыромятной кожи. Изготавливалась следующим образом: в середину достаточно большого куска кожи ставилась нога, края куска поднимались, обжимались вокруг ноги, после чего лишняя кожа отрезалась. Спереди и сзади ноги кожа сшивалась, в результате чего получались простенькие сапоги. Не очень красивые внешне, они изготавливаются всего за полчаса, за десять-пятнадцать минут «утаптываются» по ноге, а потому очень удобны, никогда не натирают, промокают не сразу (в зависимости от качества шва), позволяют передвигаться мягко и бесшумно, нога в них не прееет. В случае, если голенища поршней получились слишком широкими – их стягивают, «присборивают» у щиколотки. Именно поршни, а не лапти всегда являлись самой популярной и массовой обувью на Руси.

⁷⁹ Понятие «пехота» на Руси отсутствовало очень долго. Имелась конная княжеская дружина и «судовая рать» перемещавшаяся, соответственно, на кораблях. Пешим бывало ополчение – но это уже не профессиональное воинство.

Зализа, минуя своего воина, пробежал вперед, к Василию, придерживающего на поляне, подальше от вражеского стана, коней, запрыгнул в седло. Из-под копыт пущенного рысью скакуна высоко в воздух полетели комья вывороченного торфа.

Возле деда стоял, положив руку на рукоять сабли, стоял наготове Феня, поблескивая зеркалом. Опричник сразу оценил кровоподтек на челюсти Агария, его опустевший пояс, покачал головой:

– Убег, значит? – Семен спрыгнул на влажно чмокнувшую траву, пнул ногой оставшегося возле кострища чародея. Тот недовольно заворочался. – Жив? Мертвого, получается, полонянин развязал, а живого оставил.

– Сарацин, прости Господи, – перекрестился дед. – Дурная животина.

– Верно молвишь, Агарий, дурная, – согласился опричник. – Доспеха с тебя полонян брать не стал. Знал, засечники рядом, утечь не успеет. А меч взял, креста святого на наверхии⁸⁰ не испугался?

– Виноват, воевода, третью неделю к причастию не хожу...⁸¹

– Верю. Одного понять не могу, Агарий: почему меч он твой забрал, а самого тебя не тронул?

Старик, судорожно сглотнув, упал на колени:

– Не было сговора меж нами, воевода... Крестом Божьим клянусь, не было! С Анчуткой⁸² он сговорился, нехристь! В самую топь убег!

– Это верно, Степан, – подтвердил Василий. – Мы догнать пытались, но он в самую бездонную вязь⁸³ полез. Утоп ужо, поди.

Опричник немного подумал, глядя деду в лицо, потом рывком отошел и присел рядом с мертвым колдуном. Ничего, вроде, с мертвецом не изменилось. Почто же беглец, вместо живого чародея мертвого решил освободить? Дед почему не добил, раз уж справиться смог? Хотя, понять колдуна только другой колдун способен. И живут они не по-людски, и умирают так же.

Погожин понял, что сейчас утонет. Тонкий слой из корней чахлой болотной травы под руками и ногами не ощущался, и мерещилось, что он парит в невесомости – не кажись «невесомость» внизу столь мертвяще холодной и мокрой, в отличие от радостно сияющего над головой чистого голубого неба. Тело медленно погружалось – черная болотная вода медленно выступала из травы и сантиметр за сантиметром забиралась все выше по телу. Хотелось вскочить и удрать из этой жидкой могилы, но патрульный отлично понимал: один резкий рывок – и он провалится в глубину.

Станислав огляделся. Ближайшая опора – крупная кочка осоки – находилось на расстоянии никак не меньше полутора метров. Подползти к ней нормально, передвигая по очереди руки и ноги, не удастся никогда: стоит приподнять хоть один палец, распределяя его вес по остальной площади опоры, как моментально ухнешься вниз. И тогда милиционер сделал то, чего сделать в принципе невозможно – резким рывком оттолкнулся одновременно руками и ногами, и даже животом отпихнулся от воды он кинулся вперед, вытянув руки вперед, и едва даже не вывихнув их из суставов.

Естественно, он не достал – тонкая растительная пленка разошлась, и Погожин стал проваливаться в ледяной мрак смерти, отчаянно загребая пальцами воду вокруг. Под пальцы попа-

---

⁸⁰ Наверхие (головка, набалдашник) – утолщение на рукояти меча, препятствующее его выскальзыванию.

⁸¹ Не ходить к причастию – согласно канонам Православной Церкви, человек, уклоняющийся от исповеди и причащения к Телу и Крови Господней, теряет право называться христианином.

⁸² Анчутка – крылатый злой дух, бесенок, обитающий в болоте, помощник водяных и болотных. Иногда его называют беспятым или беспальным. Хромота вообще одна из основных примет нечистой силы.

⁸³ Вязь – топь, болото

дались какие-то ниточки, веревки корешков. Они отказывались тонуть вместе с ним, и он подтянул это тонкую последнюю надежду к груди, стараясь по ним вырваться на поверхность.

Внезапно вода расступилась, Станислав судорожно вздохнул и увидел над собой зеленые широкие листья – прочные корни, попавшиеся под руки оказались корнями куста. Погожин перевел дух, перехватился за ломкие листки, попытался подтянуться – но кочка стала стремительно заваливаться ему на голову. Он тут же вытянул руки, возвращая неустойчивой опоре прежнее положение, немного отдышался и стал соображать.

Вылезти на кочку не получится... Но на ней жить все равно не останешься. Нужно выбираться на берег. Или, хотя бы, более толстую торфяную прослойку. Толстая торфяная прослойка это та, на которой можно по крайней мере лежать, не погружаясь в глубину.

Подталкивая кочку осоки перед собой, патрульный переплыл болотное окно, и попытался забросить ногу на покачивающийся от поднятых волн зеленый слой. Травяная пленка разорвалась, но Погожин ничего другого и не ожидал. Он подтолкнул кочку вперед, и повторил попытку еще раз. Трава не желала удерживать человека, но патрульный повторял свои попытки снова и снова, прорыв настоящий канал от открытой воды к низкой, скрученной, словно чахоткой березке. Оставалось всего ничего, метра три, когда Станислав, закинув ногу в очередной раз, не почувствовал, как она медленно уходит вниз. Патрульный настолько удивился столь странному ощущению, что даже попытался пристукнуть по колышущемуся торфянику. Переплетение корней не поддавалось. Погожин опасливо оторвал от кочки левую руку, вонзил пальцы во влажный торф, потом рывком перекатился на берег. Под спиной колыхнулась глубина, но опора выдержала. Патрульный раскинул руки и закрыл глаза, наслаждаясь забытым чувством безопасности.

– Экий ты настырный! – услышал он тяжелый вздох, резко вскинулся, но никого вокруг не увидел. Тогда милиционер осторожно отполз к березе, оперся коленями на тонкий ствол, приподнялся.

Ровное светло-зеленое поле с редкими вкраплениями низких болезненных деревьев раскинулось в стороны километра на полтора, но дальше кроны поднимались выше, становились гуще и сочнее. Значит, там начиналась суша. Не желая рисковать понапрасну, патрульный вытянулся на траве во весь рост и неторопливо пополз, стараясь выдерживать направление так, чтобы солнце светило в правое ухо.

Постепенно ощущение прогибающейся под телом поверхности ушло. Станислав осторожно поднялся на ноги, широко расставив руки в стороны... Нет, он никуда не провалился. Патрульный все более и более уверенным шагом пошел к выступающему в болото лесистому мыску, чувствуя, как струйки воды стекают по телу вниз.

Березовая рощица обманула его надежды – деревья стояли по колено в воде. Естественно, вода доходила до колена ему, а не белым с черными крапинками стволам. Патрульный даже подумал – а не вернуться ли ему назад? В торф ноги уходили всего лишь по щиколотку... Однако до сумерек оставалось всего ничего, а ночевать мокрому на влажном торфе Погожину не хотелось.

– Ладно, Агарий, оставим это на твоей совести, – решил опричник. В конце концов, деда он знал больше года, в верности его сомневаться пока не приходилось. А если колдун душу заморочил... За чужое чародейство старик не ответчик. – Иди в дозор Агарий, к наволоку. Коня оставь, кабы не заржал, не выдал. А поежели случится что, беги к омуту на Тесне. Мы там над обрывом станем. Не на болоте же ночь пережидать.

– Благодарствую, воевода, – часто крестясь, поднялся с колен засечник. – Исполню все в точности. Век буду помнить...

– Чародея помни, – оборвал Агария опричник, – который и живот⁸⁴ тебе оставил, и косаря брать не стал, и душу не украл.

– Тьфу, нехристь! – испуганно сплюнул дед, отпрыгнув от оставшегося полонянина в сторону, и снова несколько раз перекрестился.

– Да помолиться не забудь на вечерней заре, раз к причастию не ходишь.

Дед еще раз поклонился Зализе, и мелко потрусил к вражьему стану.

– Поешьте, – махнул опричник оставшимся засечникам в сторону запеченной косули, а сам присел рядом с полонянином: – Куда ты шел, чародей? Какое место тебе на русской земле надобно?

– Домой мы шли, – плаксиво заскулил колдун. – Домой возвращались, вместе с Геной. А тут эти налетели... На лошадях... Мы никого не трогали! Отпустите...

– Куда домой?

– В Пи-итер...

Значит, колдуны собирались уйти? Значит, дело свое уже сделали? Какое?

– Порчу на государя наводили? – испуганно крикнул Зализа, вцепившись колдуну в волосы, и рванув его голову вверх. – Наводили порчу на государя, говори?!

Засечники замерли, держа мясо в руках и с тревогой ожидая ответа.

– Не-е-ет!

– Цел государь? Здоров?

– Да! – с готовностью подтвердил полонянин.

Все с облегчением вздохнули, опричник отпустил чародея и выпрямился.

Конечно, хорошо бы спрос сарацину учинить, но Агарий по неумению своему одного уже истребил. В этом деле, как и во всяком другом, мастер нужен. Чтобы и язык развязать, и душу раньше времени из тела не вытряхнуть. Последний полонянин остался, беречь его надобно. Военное счастье изменчиво, другого нехристя может и не попасться.

– Смотри мастер, печь топится! – толкнул Немеровский Костю в плечо и указал в сторону деревни.

Над трубой одной из изб и вправду поднимался сизый дымок.

– Дрова сырые, – хмыкнул Миша. – Ну, мастер, посмотрим на местных? Может, хоть кто-то нам ответит, что за чертовщина здесь творится.

---

⁸⁴ Живот – жизнь. С седой древности и до 20 века на Руси считалось, что душа человеческая находится в животе. Соответственно живот и жизнь нередко использовались как слова синонимы. Между прочим, многие страны, также обладающие многотысячеленной историей – Япония, Китай, Корея продолжают относиться к человеческому животу как к вместилищу жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.